

Сибирский ТРАКТ

№ 9/12
1993

- Дополнения ветерана
- На крайнем Севере
- Герои октябрьского переворота
- Памяти Адмирала
- Детские рассказы В. Новикова
- Повесть Зота Тоболкина

На дальнем каслании. (Дед и внук) .

Фото Л. Седова

38

**Сибирский
тракт**Ежемесячное
историко-
краеведческое
издание

Индекс 54318

Первый номер вышел в
сентябре 1992 годаСоучредители
газеты:Еженедельник «Согласие»
Тюменский Казачий СоюзРедакционная
коллегия:

А. Васильев — редактор

В. Копылов
А. Омельчук
А. Петрушин**В номере**М. Бровко
О городе Ишиме
— 2 —И. Терентьев
Продолжение
вспоминания
— 3 —Л. Седов
Как цветет ледяной мак
— 7 —Запломбированный
вагон,
взорвавший Россию
— 11 —Петербургская находка
— 13 —Владимир Новиков
Детская площадка
— 16 —Зот Тоболкин
Месяц комара
— 18 —И. Гарифуллин
К 600-летию
проникновения ислама
в Сибирь
— 25 —Казачьи
символы и знаки
— 32 —**О городе Ишиме**

Основателем города Ишима стал крестьянин Коркин, пришедший в 1670 году с товарищами из Московского государства. Он поселился на высоком левом берегу реки Ишим, выбрав место на самой южной окраине Киселевского мыса. Переселенцы стали рубить первые избы и дворы. Деревянной сохой поднимать целину. Труд был тяжелый, изнурительный...

Основателем города Ишима стал крестьянин Коркин, пришедший в 1670 году с товарищами из Московского государства. Он поселился на высоком левом берегу реки Ишим. Выбрав место на самой южной окраине Киселевского мыса, переселенцы стали рубить первые избы и дворы, деревянной сохой поднимать целину — труд был тяжелый, изнурительный...

Русские крестьяне, знавшие трехпольную систему земледелия — озимь, яр и пар — стремились и здесь, в Сибири, возделывать знакомые им культуры: сеяли рожь, пшеницу. Первопроходцы разводили коров и овец, добывали зверя и рыбу. А по праздникам жители поселка собирались все вместе, и звуки русских народных песен далеко разносились на русских просторах, в них слышалась грусть и тоска по далеко Родине...

В ранней истории Сибири русские поселения, такие, как на Киселевском мысу, были оазисами, разделенными потоками постоянно находившихся в движении кочевых племен, которые враждовали между собой и нападали на русских переселенцев. Темной ночью подкрадывались степные кочевники к русскому поселку и с диким криком врываются в дома, пожитки грабили, скот выгоняли, хлеба и сено жгли, людей убивали и уводили в плен, чтобы продать их в рабство в далекие страны...

Для того чтобы оградить границы от враждебных набегов, русские переселенцы стали строить укрепленные городки и остроги. Природным укреплением Коркинского острога служили высокие обрывистые берега реки Ишим, которые окружали Киселевский мыс с трех сторон. Поэтому острог укрепили только с северной стороны — обнесли плотной стеной из толстых заостренных бревен, вырыли рвы с земляным валом и поставили деревянные сторожевые башни.

Десятилетьями жители острога на ишимской земле отбивали разбойничьи нападения кочевых племен, в суровой борьбе закалялось мужество первопроходцев нашего края.

Шли годы. Набеги кочевников прекратились, жизнь русских переселенцев стала более спокойной. Работали с раннего утра до поздней ночи — распахивали земли, осваивали новые пастбища, прокладывали дороги среди лесов дремучих. Поднятая целина давала обильные урожаи.

В 1720 году Коркинский острог был переименован в слободу («слобода» в древние времена — большое село). Уже начинают складываться улицы и целая сеть переулков, дома жителей — деревянные, лишь на северной окраине слободы первое каменное здание — пересыльная тюрьма, построенная в 1780 году.

В 1782 году Коркинская слобода в связи с образованием Сибирского наместничества была переименована в город Ишим, получивший свое название по имени протекающей близ него реки.

М. Бровко

Продолжение воспоминания

В Тюменской ежемесячной газете «Сибирский тракт» №5 за 1993 год опубликовано воспоминание В. Коптелова «Буденный наш братишка». Он пишет об Ишиме: «...за кинотеатром стояла воинская часть, командовал которой полковник Бандовский — высокий, стройный брюнет, носивший бородку».

И далее. «...С той поры прошло более полувека, и я не знаю, на каком рубеже полковник Бандовский встретил врага, но уверен, что свой долг выполнил до конца». Юношеские воспоминания автора о военном человеке не оставили и меня равнодушным.

Правда, фамилия полковника несколько искажена. Но я интуитивно чувствовал, что речь идет о полковнике, который и нас покорял своей эlegantностью, военной выправкой, — немолодом уже человеке, об Александре Васильевиче Бондовском.

Но у меня не было твердого убеждения говорить, а тем более писать об этом утвердительно. Пришлось перечитывать письма своих односельчан, знавших Бондовского и его семью. И вот удача! Пришел из Челябинска ответ. И теперь можно точно сообщить, что полковник Бондовский и генерал-майор А.В. Бондовский — одно и то же лицо. И дополняя, что военная биография А.В. Бондовского не безразлична и многим тюменцам, хорошо знавшим его в свое время по совместной работе.

Родился он в 1896 году в Пензе. В первой мировой войне дослужился до прапорщика. С 1918-го служил в Красной Армии, в этом же году он стал коммунистом. Был дважды ранен в гражданской войне. Награжден личным оружием «Маузер» за отвагу. По долгу службы он часто менял местожительство. Служил в Казани, Саранске, Сызрани и в Свердловске.

А с 1932 по 1939 годы служил в Тюменской области.

В 1935 году батальон этого полка на Всероссийских соревнованиях занял первое место, а полк стал отличником по всем видам боевой и политической подготовки. В 1936 году А.В. Бондовский был награжден орденом Красной Звезды. Служба в Ишиме продолжалась до августа 1939 года, в сентябре он принимает и формирует 85-ю стрелковую дивизию. Известно, что в 1939 году на востоке страны и вблизи Ленинграда вели разговор уже пушки. Мы, курсанты Свердловского пехотного училища, еще надеялись, что нам дадут возможность закончить училище. Но Уральскому военному округу, в котором формировались 85-я и 159-я стрелковые дивизии, требовались хорошо подготовленные средние командиры. И наш батальон был досрочно выпущен. Так, в составе группы лейтенантов с 3 января 1940 года началась моя служба в 141-м СП 85-й дивизии, которой командовал комбриг А.В. Бондовский. Наш полк как-то всегда дислоцировался вдали от штаба, а поэтому нам не часто приходилось видеть руководство дивизии. И я

ограничусь лишь объективными воспоминаниями некоторых сослуживцев, а в основном будут изложены события с позиции наблюдательного пункта ротного командира.

Январь 1940 года прошел в тяжелой работе по обучению военному делу личного состава. Почти без выходных, с 6 утра до 23 часов вечера, средние командиры находились в подразделениях, которые были разбросаны в помещениях учебных заведений города. Только в суровые морозы прекращались занятия на стрельбищах. И хотя многие командиры были призваны из запаса и считали службу для себя временной, уровень подготовки был высоким.

В начале марта 1940 года в неизвестном для нас направлении полк, укомплектованный по штату военного времени, покинул хлебосольный Курган. Проехали Москву, мелькали названия старых русских городов, эшелоны приближались к границе Латвии. Но в пути мы узнали о заключении перемирия с Финляндией. Да, была большая радость, которую нам сообщили железнодорожники, а утром в 6 часов было объявлено и по Московскому радио. Эшелоны с дивизией двинулись в обратный путь на старые квартиры.

Началась лагерная жизнь. Это было большим событием, когда впервые с момента формирования дивизии все ее полки и службы собрались вместе в Чебаркульских летних лагерях. Это были 59-й, 103-й, 141-й стрелковые полки, 223-й гаубично-артиллерийский полк и другие службы, и командный состав дивизии был рад известию, что комбригу А.В. Бондовскому было присвоено новое звание генерал-майор. Ходили упорные слухи, что зиму мы будем встречать в Чебаркульских землянках. Поэтому приказ о новой дислокации дивизии был встречен с радостью. Настораживало лишь

то, что все учебное оружие и пособия оставалось в лагере. 85-я стрелковая дивизия навсегда покидала Уральский военный округ, оставляя родных и знакомых. Новое путешествие проходило по тем же городам и железным дорогам, но куда перебрасывается дивизия, вряд ли знало и высокое начальство.

Конечным пунктом оказался Себеж — пограничный город с Латвией, а месторасположение — заболоченные березовые леса. Томимые неизвестностью, оторванные от людей, ждали наступления новых событий. Что ожидало нас? Мы здесь на вооружение получили ротные минометы, приехали красноармейцев в новые гимнастерки. Командиры отправили свои чемоданы на родину или сдавали в дивизионный склад. В середине июня части первого эшелона переступили границу Латвии и согласно договору заняли казармы бывшей латвийской армии.

А мы вновь стали собирать в путь. Эшелоны с полками дивизии скапливались на московской окружной железной дороге, пока командование решало, куда нас направить. Когда мы тронулись, стало известно, что

наши войска протянули руку братской помощи народу Бессарабии. Мы ехали в направлении на запад. Стало быть, на юге обошлись без нашей помощи.

Предпоследней остановкой на нашем пути был Минск. Красноармейцы разучивали песню «Белоруссия родная, Украина золотая». Временно дивизия расположилась в старом военном городке. Но основное расположение частей дивизии находилось в Борисове.

Осенью 1940 года исполнился год с момента формирования кадровой дивизии. По своему личному составу она была многонациональной. Кроме русских, служили представители всех республик Средней Азии, Кавказа, Украины. И это не мешало росту военного мастерства. Выросли и приобрели опыт в руководстве кадровые командиры всех подразделений. На учениях отрабатывались самые последние новинки — наступление за огневым валом своей артиллерии. Не узнать было рядовых. Это были хорошо обученные военному ремеслу солдаты, многие из которых думали осенью 1941 года

после окончания военной службы пойти учиться в институты.

Но мечты их не осуществились. Весной 1941 года части дивизии готовились участвовать в параде войск в Минске, посвященном международному празднику трудящихся 1-е Мая. Парад принимал командующий особым Белорусским военным округом генерал армии Павлов. Никто из них тогда не думал, что этот парад для многих был последним в жизни. А после парада в полном составе дивизия была переброшена на новую границу — в район Гродно. Мы стояли на левом берегу Немана в полевом лагере. Это была последняя передислокация дивизии. Впереди была граница и печально известный для русской армии город Августов, а далее — чужая земля.

А у нас все шло по утвержденному распорядку. Только учебные окопы стали рыть в полный профиль, а учебные наступления проводились исключительно в сторону границы.

На занятиях изучали правила, а точнее инструкцию по захоронению убитых. Тревожная была обстановка. Но успокаивали бодрые сообщения

Миниатюры истории

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ УГОРОДСКОГО ИСПОЛКОМА С. Р. К. и К. Д.

О правах частной торговли.

Согласно обязательного постановления Губисполкома, опубликованного в № 416 местных «ИЗВЕСТИЙ», Отделом Управления Угорисполкома приступлен к выдаче разрешений на право торговли в виде промысла.

Выдача разрешений и самая торговля производится при соблюдении следующих обязательных требований:

1. Получить разрешение может каждый гражданин, проживающий в г. Тюмени и в уезде, в возрасте от 28 лет, освобожденный от трудовой повинности и не занятый службой в составе учреждений и фабрично-заводских предприятиях.

2. Для получения разрешения требуется подача письменного разрешения в Отдел Управления Угорисполкома с указанием имени, отчества, местожительства просителя, рода желаемой торговли и место правила ея по отношению уезда /город, улица/ дом № будет выработано дополнительно.

Примечание 1: В том случае, если торговля будет производиться продуктами своего производства, необходимо указать местонахождение этого производства /улица, дом/.

Примечание 2: Выданные разрешения должны находиться в торговом заведении или на руках торгового.

ТАСС. Шел разговор о каких-то мифических больших учениях. Не смогу никогда забыть последнюю, предвоенную встречу с генералом А.В. Бондовским. Проходили полковые занятия командиров рот. К нашей группе подошла черная «эмка», из которой вышел генерал. Как обычно, после доклада генерал интересовался ходом занятий. Он показал нам отпечатанные типографским способом планы укрепления немцев по ту сторону границы. А закончил свою беседу словами: надо учить людей хорошо плавать.

Скоро будем наступать. Этот разговор состоялся за 4-5 дней до начала войны. В последнюю субботу, как и обычно, шли занятия. Личный состав готовился к воскресному отдыху, а на площадке вечером демонстрировали кинофильм «Фронтовые подруги». Приказ командира полка особенно ударил по интимным интересам молодых лейтенантов — запрещал в ночь на 22 июня самовольно покидать подразделение. О том, что начнется война, мы, командиры рот и служб, узнали из сообщения командира полка примерно минут за 20-30 до ее начала. По боевой привычке подразде-

ления выстраивались на линейке, а ровно в 4-00 22 июня 1941 года загремели пушки зенитных батарей, охранявших воздушное пространство Гродно. В воздухе в разных направлениях шли немецкие самолеты.

По ранее утвержденному плану полк вышел в район, отведенный ранее командованием дивизии. Мне пришлось в первый день войны командовать передовым отрядом, усиленный батареями из 223-го гаубичного и 167-го артиллерийского полка. По распоряжению штаба дивизии в ночь на 23 июня части вынуждены были отойти на новый оборонительный рубеж. Всю ночь гремели взрывы. Это рвались боеприпасы из складов армии. Эта операция проводилась с участием представителей полков из 85-й дивизии. Руководство штаба дивизии приняло решение о контрнаступлении 24-25 июня. В этой операции участвовали 103-й и 141-й стрелковые полки. 59-й СП в бою не участвовал, т.к. охранял штаб армии. Контрнаступление проводилось без авиационного прикрытия и танковой поддержки. Если говорить о задаче, то она была выполнена. Потеснив немцев, мы

заняли свои старые окопы. Но куда наступать? Обстановка сложилась так, что дивизия оказалась в глубоком тылу противника. А операция, по оценке самого генерала А.В. Бондовского, стоила более тысячи жизней. Началось ужасное и трагическое отступление. Оказалось, что на 6-7-й день войны кончились боеприпасы, не говоря о продовольствии. Шли вслепую, без топографических карт.

5 июля западнее Минска генерал-лейтенант И.В. Болдин собрал оставшиеся части 3-й и 10-й армии и дважды под его командой они пытались прорваться из окружения, но понесли большие потери. После чего была дана команда переходить линию фронта отдельными группами. Отдельной группой по выходу из окружения руководил и генерал А.В. Бондовский, но был ранен. Небольшая часть под командованием его заместителя полковника Скоробогатова прорвалась к своим войскам южнее Могилева и соединилась с частями 172-й СД, 61-й СК. Это произошло 15 июля 1941 года. В тяжелых боях были ранены командир дивизии А.В. Бондовский, комиссар Тонкачев,

Примечание 3: Крестьяне, для продажи и обмена с возов с. х. произведений своего хозяйства, освобождаются от получения разрешений на торговлю и обмен, но во всем остальном подчиняются требованиям настоящего постановления.

3. Торговля производится с возов, столов, ларьков в местах, отведенных для этого Отделом Управления и из лавок магазинов и вообще из закрытых помещений, указанных при получении разрешения на торговлю.

Примечание 1: Перевод производства или торгового заведения из одного помещения в другое совершается с ведома Отдела Управления надписано на разрешении.

Примечание 2: Торговля уличная и вразнос и на домах не допускается, за исключением торговли морожеными и прохладительными напитками, в отношении последней — по соглашению Отделом Управления с Здравоотделом.

4. Санитарный надзор за торговлей, с осмотром помещений для хранения и производства продуктов, самих продуктов и материалов для них осуществляется Здравоотделами, сотрудникам которых не должно быть оказываемо в этом направлении никаких препятствий со стороны владельцев торговых заведений.

5. Устанавливается обязательная выборка разрешений на торговлю:

а/. кустарными изделиями из постоянных закрытых помещений.

б/. мылом и сладостями, независимо от того, производится продажа со столов или другими способами.

Примечание: Продажа кустарных изделий, мыла и сладостей могут производить только сами производители, участие посредников и перекупщиков не допускается.

в/. в кухмистерских, булочных, колбасных, чайно-кофейных, столовых.

Примечание 1: Необходимые продукты для таких торговых заведений заготавливаются силами и средствами предпринимателей, без какого бы то ни было содействия со стороны правительственных учреждений.

Примечание 2: Закупка припасов для указанных Заведений происходит на основании особого разрешения Отдела Управления с правом для последнего учитывать обороты Заведения качество имеющихся и потребность вообще продовольственных запасов.

погибли полковой комиссар Григорьев, заместитель по тылу Карпов, полковник Терентьев, политработники Щелоков, Тюрин, Лыков, Васильев и многие другие. А сколько погибло рядовых, младших и средних командиров?

После госпиталя и соответствующей проверки Александр Васильевич преподавал на курсах в Солнечногорске. А после гибели сына под Ленинградом попросился на фронт. В феврале 1944 года был тяжело ранен. После выздоровления он снова служил на курсах.

А после войны Александр Васильевич вел большую работу по сбору материалов и анализу боевых действий 85-й СД в первые дни войны, встречался с оставшимися в живых боевыми товарищами.

Генерал-лейтенант Александр Васильевич Бондовский умер 15 марта 1970 года, был похоронен в Иванове.

Память о 85-й ордена Ленина СД хранят в Чебаркуле. В одной из средних школ создан музей, где собран большой материал о личном составе дивизии.

Челябинцы также считают дивизию своей и хранят о ней память. Над памятью о воинах 85-й взяли шефство ученики средней школы деревни Коптеевка.

Кто желает более подробно и детально познакомиться с историей военных событий 1941 года, рекомендую прочитать книгу генерала Галицкого «Годы суровых испытаний 1941-1944». Там очень много и хорошо сказано о боевых действиях дивизии. Хочу поблагодарить сына погибшего полкового командира

Григорьева за любезно предоставленную биографическую справку о генерале А.В. Бондовском, а также вспомнить хорошим словом умершего полковника Георгия Георгиевича Степанова за неутомимый труд по сбору материалов о трагической судьбе бывшей 85-й СД.

Не претендую на исключительную полноту изложения фактов из жизни генерала А.В. Бондовского. Это ответ на юношеское воспоминание В. Коптелова, если его удовлетворит. Большое спасибо за память о тех погибших, пропавших без вести в лесах Белоруссии, кто по воле судьбы оказался первым.

И. Терентьев,

командир роты 141-й СП 85-й СД

г/. на торговлю мясом.

Примечание: Продажа мяса скота молодняка не допускается, равно не допускается продажа мяса животных, не освидетельствованных ветеринарным надзором.

б. Не требуется разрешений Отделом Управления:

а/. для продажи кустарных изделий самим производителям на рынке с весов.

Примечание 1: В удостоверении того, что продающий является производителем, а не перекупщиком необходимо получение с сельсовета или Волисполкома удостоверения в этом.

Примечание 2: Кустари имеют право во всех случаях сдавать свои изделия в Единое Городское Потребительское общество на комиссию, продавать за денежные знаки или обменивать на кустарные товары местные или привозные по согласию с заведующим лавкой э. г. п. о.

б/. для продажи одежды, предметов обработки и домашнего обихода.

в/. для продажи макулатуры.

г/. для продажи и обмена продуктов с х. крестьянами и лицами непосредственно производящими продукты.

7. Покупка каких бы то ни было предметов и продуктов с целью перепродажи /спекуляции/ будет строго преследуема.

8. Нарушившие настоящее постановление или неподчиняющие ему привлекающие к законной ответственности с отобранием прав на торговлю от тех, кто их уже будет иметь.

Завед. Горuezдном Отделом Управления:
ГАТО. ф. 44, Оп. I, Д. I, л.л. 57, 57об

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В виду того что на рынке царит полной хаос и нет абсолютно никакого порядка Отдел Управления Уисполкома в целях устранения подобного рода явлений обязывает всех лиц торгующих на рынке принять к сведению и неуклонному исполнению нижеследующее:

Торговля на рынке должна производиться в следующем порядке и местах, а именно

1. Рыбная и мясная торговля на старом рыбном месте в первом ряду.
2. Толкучка, т. е. торговля разными мелкими непродуктовыми товарами во 2 ряду бывшего рыбного ряда.

3. Зеленый ряд т. е. торговля молоком, маслом, яйцами, зеленью и т. п. на старом месте.

4. Торговля табаком, бумагой, мылом от зеленого ряда параллельно Спаской улице.

5. Мучная, соляная и печеным хлебом торговля около городских весов

6. Щепная, гончарная и смоляная торговля на большом хлебном рынке.

7. Сенная, конная, деревянная торговля на базарной площади по левую сторону ул. Республики.

Все местные продукты должны помещаться на лотках /столах/ но отнюдь

не допускаются чтобы таковые были на земле. Кроме того все продукты должны содержаться в чистоте и прикрытом виде в целях устранения заразы. За неисполнение настоящего постановления виновные будут лишаться торговли и за явное нарушение постановления будут преданы суду. Настоящее постановление входит в силу со дня апубликования.

Зам. Зав. отд. Упр.
Секретарь

Подпись

Лев Седов

КАК ЦВЕТЕТ ЛЕДЯНОЙ МАК

Репортаж шестой

Матюй-Сале

Южный ветер увел воду от берегов Тамбейской косы. Выгрузка «Беломорского-7» затягивалась, и я вынужден был искать себе другого «извозчика». «Кого-нибудь застукаем», — пообещал радист.

Завязать разговор с проходящими в губе судами непросто: прямой связи между ними нет. Чтобы «поговорить», минуя Салехард, с которым судовые радисты работают всего два раза в сутки, надо выйти в губу, обратиться на себя внимание отмашкой или чаще всего сигнальной ракетой, а уж потом настраивать наушники. Случай

помог «застукать» «Беломорский-17», идущий курсом на Матюй-Сале и Гыду.

...Идя губой, невольно поражаешься обилию бесхозного леса. Там и сям, по морям — по волнам плывут «ничьи» бревна, а порой и целые связки их — следы недавних плотокрушений. Волна и ветер выбрасывают невольных пленников за дальнюю отмель, оставляют на милость стихии. И вот они уже не деловая древесина. Они — дрова. Может, отсюда и названия ряда мест по пути следования плотов из Енисея в Печору. На острове Оленьем — мыс и знак Дровяной. Крайний северо-восточный мыс Ямала — тоже Дровяной.

Пять часов простоял я в рубке, чтобы не пропустить того места, где губа становится морем, и был разочарован, когда капитан Лопатин объявил, что «граница под нами» и что команде теперь. «кроме арктических, пойдут еще и морские». Энтузиазм капитана понятен, но я не обнаружил никаких перемен. Разве что всда немного потемнела.

Две-три избенки да столько же чумов на фоне сероватых льдов Карского моря — вот и вся фактория Матюй-Сале.

Есть собственный мерзлотник — склад, выдолбленный в вечной мерзлоте, к которому ведет дощатая лежневка с пирсами для приемки рыбы. Есть пекарня, магазин, медпункт, радиостанция, баня. Есть маяк, вкривь и вкось исписанный вензелями таинственных вань и маш, некогда посетивших этот далекий уголок. Есть море... Тихое, соленое, забитое льдами, насколько хватает глаз... Есть солнце. Большое и вечно скрытое за облаками. Два раза в сутки прилив, один раз в год визит судов из Салехарда...

Сюда, на тупой мыс Гыданского полуострова, хаживали в старину лихие поморы. Они «бежали парусом» от устья Печоры через «злые места» «в страну мрака» и холода. Они искали «рыбий зуб» и «драгоценную рухлядь».

В первой половине XVIII века командир второго отряда Великой Северной экспедиции лейтенант Дмитрий Овцын на боте «Обь-Почталион» по пути в Турханск сшибал Гыданский полуостров и проходил проливом

между островами Олений-Сибиряков. Не суждено было лейтенанту повторить и описать свой беспримерный поход: за связь с опальными Долгоруковыми, которые в те времена томились в Березове, он был арестован и сослан на Камчатку.

Матюй-Сале в переводе с ненецкого значит «тупой мыс». А речка, утолявшая жажду пришельцев, именуется Салямлекавтамбдой — рекой, делящей сушу пополам.

II

Гуси три раза прилетали и улетали, три раза таял снег, а молодой охотник Либи Вара так и оставался один на один со своей неразделенной любовью. Гордый Тысяа всякий раз поворачивался спиной к сватам, и те возвращались ни с чем.

— Может, земля собирается тебе помочь, — горестно говорили они.

На языке лесных ненцев это значило: «Поди поищи себе других сватов...».

Тысяа, в другом произношении Тасини (что значит «нижние, живущие в низовьях реки»), в былые времена слыли богачами на всем Нижнем Надыме. Поубавили люди спеси этим «хозяевам», но живучи прежние замашки. Не признавал старый Тысяа рода Вара (в буквальном переводе — «черный гусь»). «Захудалые, — куражился он за чашкой крепкого чая, — какой с них калым... Одно слово — Черный гусь».

Тоска погнала Либи Вара от насиженных мест к студеному Карскому морю. Видел он день длиною в три месяца и грибы, что выше деревьев. Слышал жалобный стон гагар и веселые крики авликов... Много чудес в немеряной приморской тундре, но нет того чуда, что исцелило бы душу охотника. По весне, едва начал подтаивать снег на полозьях отцовской нарты, вернулся Либи в Надым.

Только год не был он в родных краях, а сколько здесь перемен! Авка — теленок, выращенный у чума, стал настоящим оленем. Фактория на левом берегу

Надыма теперь называется колхозом «Родина». В красном чуме показывают забавную штуку — кино... Но самое важное событие — экспедиция из Москвы. Высокие охотники в длинных резиновых сапогах поставили себе белые чумы у протоки, и называются эти охотники диковинным словом — мерзлотоведы.

Эти люди, сказывали старики, прилетели на самолете, поэтому их хозяина, веселого светловолосого Петю, так и зовут во всем стойбище — Петя Есь Тота, что значит — Петя с железными крыльями.

Недолго раздумывал Либи и в одно прекрасное утро появился в палаточном городке мерзлотоведов. Работалось в экспедиции легко, жилось привольно, но замечали люди порой грусть на лице Либи Вара.

Однажды вооружилась бригада ручными долотьями, взрывчаткой и отправилась на новую точку — к дальним, синющим на горизонте урманам. За бригадира был Петя Есь Тота.

Когда разделались попарно, Либи Вара оказался в одном зве-

не с командиром. Долго отнекивался молчаливый охотник, но не таков Петя Есь Тота, чтоб отступиться:

— Не печалься, будет праздник и в твоём чуме.

«Легко сказать, — подумал тогда Либи Вара, — хоть ты и большой человек, хоть и с железными крыльями, но не знаешь, какой гордец этот старый Тасини...».

Но Петя, оказывается, знал. На калым (что поделаешь!) экспедиция выделила ящик патронов, новенькие, блестящие на солнце резиновые сапоги, непромокаемый плащ и несколько плиток черного чая из «неприкосновенного запаса».

— О диво! Такого и в сказках не услышишь! — всплеснул руками старый Тысяя, принимая рослых сватов на пороге летнего чума.

— Я пришел сватать твою дочь. Опоздал я или нет? — сказал Петя Есь Тота по-ненецки.

Этот ритуальный заповедь главного свата на сей раз показался старику столь веским и значительным, что он, не обо-

рачиваясь к зардевшейся дочери, прикрикнул:

— Зачем стоишь, как привязанная к шесту собака, или не видишь, что у нас гости?!

После этих неласковых слов невеста тотчас легла на свое место в чуме. Ее накрыли одеялами и меховыми одеждами так, чтобы не слышала голосов, не видела света белого — начинался торг. Хозяин достал загодя припасенную палку и сделал на ней столько надрезов, сколько единиц выкупа хотел получить за дочь. Сват, не соглашаясь, срезал часть зарубок. Хозяин поворачивал палку другим концом, нарезал новые...

Палка переходила из рук в руки до тех пор, пока стороны не остановились, наконец, на одной (и единственной!) цифре. Палку при этом раскололи пополам. Одну часть взял сват, другую — отец невесты: получили по «экземпляру платежной ведомости», чтобы потом при расчете избежать возможных недоразумений. И только теперь впустили в чум заждавшегося

жениха и тут же сообщили ему о решении.

Вот как много надо было знать и в точности проделать в этот день Пете Есь Тота. Опустив он хоть одну малейшую деталь, гордый Тысяа мигом погасил бы свет и улегся на свое место в чуме, давая понять, что разговор закончен. Но этого не произошло — стороны остались довольны друг другом.

А когда наступила осень и выпал первый снег, справили свадьбу. С рассветом поезд жениха уже стоял у чума Тысяа. На передней нарте — Либи Вара и его лучший друг Петя Есь Тота. Жених в нарядной малице, на правом рукаве — красный шелковый платок. Пора! Все сходят с нарт. Тамада подает сигнал. Либи быстро снимает платок и делает шаг вперед... Но вдруг внезапно замирает, стоит, нервно крутит кумач в потных пальцах.

Что с нашим героем?! Да он, видать, не в силах дух перевести — ишь, как пылает!.. А может, попросту струсил? Ведь ему теперь надо решиться на очень

важный шаг — просунуть конец платка сквозь какую-нибудь щель в чуме отца невесты, а сделать это куда как непросто: путь к чуму преграждают все мужчины из рода Тысяа, которые специально съехались для этой цели со своих стойбищ...

Неизвестно, чем закончилось бы это дело для Либи, если б не помощь парней из бригады Пети Есь Тота. Они подняли его на вытянутых руках и разом бросились к чуму. Он зацепился за остов, вскарабкался наверх и сунул платок в отверстие для выхода дыма.

Обитатели чума — подружки невесты — только того и ждали. Схватили платок и тут же поделили между собой: каждой достался алый клочок — залог скорой свадьбы и долгого семейного счастья. Теперь подружки распахнули полог чума и, притворно браня назадачливую стражу, пригласили в синякуй (почетное место в чуме для приема гостей) победителей — страшно довольного собой жениха и его верных друзей.

На следующий сезон мерзлотоведы оказались в Гыданской тундре как раз в тех местах, где уже побывал Либи Вара. Ученые сделали свое дело и ушли, а зачарованный тундрой Вара остался с женой и детьми на просторах тупого мыса. Теперь он — старейший человек местечка. Зимой промышляет зверя, летом работает в рыболовецкой бригаде Михаила Салиндера.

III

Основатель фактории — Семен Гаврилович Басаргин. О нем рассказывает мастер рыбообработки Василий Александрович Крюков, фронтовик.

Крутой был помор. Не любил дознаваться, кто прав, кто виноват. Так распалится, бывало, хоть святых выноси, а отойдет — нет его милей. Родом он из-под Архангельска, а жизнь прожил здесь, на нашем Севере. Всего не упомнишь, но сказывал он, бывало, про зимовки на Вайгаче, Белом, про ученые экспедиции на Ямале...

— Шли, — вспоминает участник экспедиции Николай Дмитриевич Магарян, — на деревянном паузке, который тянул на чалке катер «Рыбник Севера». Всех людей на борту — четырнадцать человек, в том числе и начальство — Басаргин. Это было в сентябре 1949 года. Пришли. Перво-наперво палатку поставили. В ней и пришлось зиму коротать.

Недолго прожил помор на новом месте. В начале пятидесятых скончался и похоронен на здешнем хальмере (кладбище).

Ненцы очень любили Басаргина за присущую ему справедливость, за тот немаловажный факт, что он своим приходом на Матюй-Сале выкурил оттуда некоего частного предпринимателя Курницкого, спекулянта, беззастенчиво грабящего и обманывающего ненцев... Люди из рода Салиндер — в их чуме умирал «хозяин Сема» — уговорили рыбаков проводить Басаргина в последний путь по своему обычаю.

Для этого в чуме проделали отдельный ход (запрещалось проносить покойника через нюк — полог, служащий дверью), и все присутствующие на похоронах поделились попарно, так как злой дух, что ворвется в чум следом за усопшим, непременно

отыщет одинокого человека и учинит ему большой вред за гордыню...

Уже раздобыли доски из настоящей лиственницы, переломали (ведь там, где будет «жить» теперь покойник, все наоборот) и сложили в мешок предметы домашнего обихода, увязали на специально приготовленные нарты и даже отыскивали самбалу — шамана, специалиста по похоронным обрядам, — как отлетел вдруг в сторону полог чума и в проеме показалась внушительная фигура рыбака Крюкова:

— Покойник русского роду, — твердо сказал он, — и хоронить его надо по нашему обряду.

Так вырос на пригорке снежный холмик. Летом на нем появился крест...

Ненцы долго вспоминали Басаргина, говорили о нем, как о живом, но при этом не называли по имени, а употребляли специальное слово, которое можно перевести на русский, как «отсутствующий», «тот, которого нет среди нас» или «тот, который ушел в свою землю»... Мальчика, рожденного в том чуме, где умирал Басаргин, в метрике записали Семеном, а между собой и на людях называли просто «мальчиком», чтобы

Запломбированный вагон, взрвавший Россию

Герои октябрьского переворота

Аргументированно разрушая легенду о так называемой «русской революции», эмигрировавший на Запад бывший советский историк М. Бернштам справедливо писал: «Наверное, народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал так мало своих представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей. Понятие «русская революция», на наш взгляд, вообще должно быть исключено из научного обихода. Также должны быть исключены понятия «рабочей» и «крестьянской революции в России», («Вестник русского христианского движения». Париж, 1979, № 128).

Неопровержимым доказательством ложности термина «русская революция» являются поименные списки «пламенных революционеров» во главе с Лениным, прибывших в 1917 году в Россию из Швейцарии через территорию Германии.

Как известно, после начала первой мировой войны Ленин постоянно заявлял, что «Победа России влечет за собой усиление мировой реакции» и «в силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом» (Ленин, полн. собр. соч., т. 26, стр. 166). Понятно, что такого рода ленинские проповеди находили должный отклик у руководства Германии, которое и постаралось переправить кратчайшим путем Ленина в Россию. Как писал в своих воспоминаниях генерал Э. Людендорф, «посылая Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправдано, Россию нужно было опавить».

В марте 1917 года германский министр иностранных дел доложил в главную квартиру армии о желании «руководящих русских революционеров возвратиться в Россию через Германию, поскольку они опасаются ехать через Францию из-за боязни подводных лодок». От верхнего командования пришел следующий ответ: «Возражений против проезда русских революционеров в специальном поезде и под подлежащим конвоем не встречаются»...

Вскоре при посредничестве швейцарских социал-демократов Гримма и Платтена немецкие власти предоставили Ленину и следовавшей с ним группе большевиков, просионистских бундовцев и других «интернационалистов» специальный вагон для переезда в Россию. Три двери вагона после посадки «русских революционеров» были

запломбированы, а четвертая, задняя, оставалась открытой.

Вот список пассажиров этого вагона:

- («Общее дело», 14.10.1917)
1. Абрамович Майя Зеликовна.
 2. Айзенбунд Меер Кивович.
 3. Арманд Инесса Федоровна.
 4. Гоберман Михаил Вульфович.
 5. Гребельская Фаня.
 6. Кон Елена Феликсовна.
 7. Крупская Надежда Константиновна.
 8. Константинович Анна Евгеньевна.
 9. Ленин (Ульянов-Бланк) Владимир Ильич.
 10. Линде Иоган-Арнольд Иоганович.
 11. Мирингоф Мария Ефимовна.
 12. Мирингоф Илья Давыдович.
 13. Морточкина Валентина Сергеевна.
 14. Пейнесон Семен Гершевич.
 15. Погосская Буня Хемовна (с сыном Рувимом).
 16. Равич Сарра Нахумовна.
 17. Радосильская Злата Эвновна.
 18. Радомысльский-Зиновьев (Апфельбаум) Евсей-Гершен Аронович.
 19. Радомысльский Стефан Евсеевич.
 20. Ривкин Залман-Бэрк Осерович.
 21. Розенблюм Давид Мордухович.
 22. Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович.
 23. Сковно Абрам Анчилович.
 24. Слюсарева Надежда Михайловна.
 25. Сокольников (Бриллиант) Гирш Янкевич.
 26. Сулишвили Давид Сократович.
 27. Усиевич Григорий Александрович.
 28. Харитонов Моисей Мотыкович.
 29. Цхакая Михаил Григорьевич.

не осквернить памяти покойного. Собираясь на какое-нибудь важное предприятие (выбор новых пастбищ, пушных или рыбных угодий, охоту, дальние каслания), люди приезжали на Матюй-Сале, шли к могиле, просили благословения усопшего. А уезжая, оставляли подарки.

IV

Школьный баянист Виталий Устинов любит учительницу Зою Яптунай. Постоянно думает о ней, боится за нее и, как умеет, бережет.

Он любит бывать в гостях у нее. Летом, когда кончаются школьные занятия и начинается обычная принудилровка, Зою «бросают на прорыв» — командируют в Матюй-Сале на помощь рыбообработчикам. Виталия оставляют в школе, так как начинается ремонт и нужны рабочие руки.

Виталий и Зоя прощаются у самолета, говорят о погоде, много и неестественно смеются... Но она видит по его глазам: он непременно будет с ней, то есть он явится, приедет, прилетит, чего бы ему это не стоило.

Однажды под утро ее будят окриком: «Да проснись же ты, наконец, проснись! Виталия привезли!». «А!!! Привезли...». Она соскакивает с постели, бежит, больно удараясь о какие-то предметы, падает, забыв переступить через порог, стучит коленками и кулаками в дверь. Кто-то выводит ее на свет. Она видит Виталия. Он лежит на нартах. Бледный, обросший. Улыбается. Шевелит сухими губами, облизывая их, глотая слюну...

«А где баян? — говорит она. — Ты привез баян? У нас в бригаде нет баяна... Понимаешь, нет баяна!...».

Прошу Виталия рассказать о себе.

— А что рассказывать? — пожимает плечами. — Из Новосибирска. Там школу кончал, училище, работал баянистом в школе. На Север просто так попал. Интересно. Ездил летом по

Оби с культбригадой, понравилось. В Салехарде помогли, вызов дали. Приехал. Захотел на самый-самый Север. И вот — в Гыде...

— Как же ты, романтик Севера, додумался шагать пешком из Гыды в Матюй-Сале? Это же почти полтыщи километров...

— Так... — виновато улыбается, щиплет бородку. — Северо-западный ветер, акватория льдом забита, самолеты не идут.

У

Живет на фактории ненец по имени Хача Явай. Летом бондарит бочки в соляном лабазе, зимой, когда рыбаки оставляют Матюй-Сале, Хача вроде завхоза.

Об одиссее этого ненца вся гыданская тундра знает.

Собрал однажды Хача свои нехитрые амгари — поклажу с едой да патронами — и отправился по льдам промышлять тюленя. Выследил зверя, но за суматохой добычи не заметил, как льдина треснула, оторвалась от припая и вышла в открытое море. Спихватился, да поздно: амгари его вместе с ружьем в заливе остались.

Больше месяца провел Хача на льдине, питаюсь мясом добытого тюленя. Он не терял надежды, знал, что его ищут, и, укладываясь на ночлег, выкладывал рядом с собой крест из пояса, каким подвязывают малицу, цветных обрезков шкуры и внутренностей животного. Именно этот крест заметили пилоты-полярники и сообщили на свою базу. База связалась с Салехардом, тот — с Тазовским, который в свой черед вышел на Гыду. Главный врач местной больницы В.В. Бродский вызвал санрейс.

На снимках:
фактория Матюй-Сале;
Либи Вара;
прием мехов;
матюйсалинские «моржи»;
это и есть явайсалинская тундра.

Фото автора.

Петербургская находка

(к 90-летию гибели русского адмирала С.О. Макарова)

Недавно в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге обнаружено неизвестное письмо кронштадтского журналиста

П.А. Rogozинского, сосланного в Тюмень в 1897 году. Он был давним другом прославленного русского флотоводца, ученого и военного моряка, автора проекта и строительства знаменитого ледокола «Ермак» вице-адмирала Степана Осиповича Макарова.

В том же 1897 году, будучи проездом в Тюмени из Красноярска и Тобольска, адмирал гостил в семье Rogozинских, не опасаясь полицейского доноса в военные и политические верха России: настолько высокий гость дорожил дружбой с опальным и талантливым журналистом, интересным собеседником, с человеком, о котором говорят, что он — с родственной душой.

Вице-Адмирал

Макаров С.О. погиб в Порт-Артуре в разгар русско-японской войны 31 марта 1904 года при взрыве флагмана русского Дальневосточного флота броненосца «Петропавловск». Узнав о гибели друга, П.А. Rogozинский отослал в Тобольский архив для хранения свою переписку с адмиралом. Содержание ее известно и опубликовано. Но, оказывается, было еще одно письмо журналиста, направленное вдове С.О. Макарова 1 апреля 1904 года с соболезнованиями по случаю гибели адмирала. Оно-то и сохранилось в архиве ВМФ. Ниже следует полный текст письма.

«Глубокоуважаемая Капитолина Николаевна. С величайшей и невыразимой скорбью я и семья моя прочли страшную весть о кончине дорогого Степана Осиповича. Мысль цепенеет, и ум отказывается верить возможности

Миниатюры истории

Документ № 1

Докладная записка

председателя
Тобольской уездной подкомиссии
по изъятию церковных ценностей
председателю
Тобольского уездного исполкома

2 апреля 1922 г.

Комиссия к фактическому изъятию приступила 8 апреля, в первую очередь было произведено изъятие в инородческих церквях, как-то: магометанской, лютеранской, в Римско-Католической и еврейской.

Подлежащих изъятию в указанных церквях ничего не оказалось за исключением еврейской.

Из которой изъято необходимое количество, затем было приступлено к изъятию в православных церквях. Работа протекала успешно без всяких конфликтов с верующими и духовенством.

Отношение духовенства и верующих к изъятию ценностей наблюдалось в некоторых пассивное, в некоторых подавленное, и была тенденция некоторые вещи отстоять, отплатить, но комиссией на эти слезы не обращалось внимания.

Работа по изъятию ценностей была закончена 22 апреля. По окончании работы в городе было приступлено к изъятию в уезде, в первую очередь в монастырях Ивановском и Абалакском.

Предкомиссии Кошуков

(ТФ ГАТО, ф. 392, оп. 1, д. 146, л. 15)

столь ужасного для всех несчастья.

Я знал Степана Осиповича много лет тому назад, в годы его юности. Последняя встреча с ним была в Тюмени в 1897 году. При встрече Степан Осипович выказал все величие своей благородной души, ободрив меня и семью мою словами утешения и сочувствия.

Вся Россия оплакивает кончину своего доблестного Адмирала, на которого возлагали самые светлые надежды. Но судьбы Божии неисповедимы! Я и семья моя горькими слезами оплакиваем кончину дорогого Степана Осиповича. Позвольте мне, глубокоуважаемая Капитолина Николаевна, принести Вам от себя, семьи моей и крестника Степана Осиповича, старшего сына моего Александра, от преисполненной скорбью души выражения величайшего сочувствия» (ф. 17. оп. 1, д. 396, лл. 12-13).

В стране не было издания, которое в той или иной мере не откликнулось бы на печальное событие. В частности, широко известный журнал «Иллюстрированное всемирное обозрение»

(приложение к журналу «Родина») опубликовал любопытные подробности, о которых еще совсем недавно не принято было писать. Например, о молебне, состоявшемся в Кронштадте в Андреевском соборе накануне отъезда С.О. Макарова в Порт-Артур. На одной из фотографий показан священник, благословляющий адмирала, стоящего на коленях перед алтарем.

Скорбному событию посвящались многочисленные почтовые открытки, изданные в 1904-1906 годах как в России, так и за рубежом. Некоторые из них, сохранившиеся в архиве, возмож-

но, будут интересны читателям. Любопытна открытка с картины одного американского художника, напечатанная в США в 1906 году. На ней показан капитанский мостик с адмиралом С.О. Макаровым в момент рокового взрыва броненосца «Петропавловск». Правда, по ошибке художника броненосец из «Петропавловска» почему-то превратился в «Цесаревича», но это уже детали, не меняющие сути дела. Открытка издана в цвете, ее содержание («Смерть адмирала Макарова») продублировано на многих языках, в том числе на русском и япон-

Миниатюры истории

Копия

Документ № 2

Телеграмма

уполномоченного
Тобольского уездного исполкома уездной
комиссии по изъятию церковных
ценностей Патриарха
из с. Черного Тобольского уезда
в Тобольский уездный исполком

22 мая 1922 г.

В пути моего следования с отрядом мне пришлось столкнуться с конфликтом отряда. По мнению милиционеров, не желают ехать и провести операцию, говоря, мало продовольствия, лошади дальше не пойдут.

Зачинщика я хотел арестовать, остальные милиционеры не дали. Это говорит о том, что отряд надеяться нельзя.

Я сейчас еду в Малиновскую волость, где положение не совсем прочное, можно было предположить, что придется столкнуться с контрреволюцией. О положении в Малиновской волости я получил информацию от начальника 5-го участка Пескова, который недавно прибыл из последней.

Мною отряду было обрисовано все положение, цель операции и обязанности отряда. Несмотря на все это все продолжают быть разногласия в виде дезорганизации перед массой.

Ввиду шаткости отряда я поехать в Малиновскую волость не могу. Патрихин.

(ТФ ГАТО, ф. 392, оп. 1, д. 146, л. 18).

Ты принял съ безстрашной дружиной.
Твой гробъ — броненосецъ, могила твоя —
Холодная глубь океана.
И вѣрныхъ матросовъ родная семья...
Твоя цѣловая охрана. Иса. Вр.

Копие и печать С. М. Прокудинъ-Горского.

Начальникъ Тихоокеанской эскадры
Вице-Адмиралъ
С. О. Макаровъ
погибъ на броненосцѣ „Петропавловскъ“.

ЭСКАДРЕННЫЙ БРОНЕНОСЕЦЪ „ПЕТРОПАВЛОВСКЪ“ погибъ 31 Марта отъ взрыва мины, построенъ въ Петербургѣ въ 1894 году. Водоизмѣщеніе 10,960 тоннъ, число индикаторныхъ силъ машины 11,213. Длина 369 фут., ширина 70 фут. Команды 602 нижн. чина. 21 стр. офицера. Орудій 57: 4 большія 12-дюйм. калибра, 6 ти дюйм. орудій новейш. образца 12. 6 мин. апар. Машинъ 2 тройн. расширенія. Винтовъ 2. Ходъ 16 узловъ.

Дозв. ценз. Спб., 7 апр. 1904 г.

Изд. С. М. Прокудинъ-Горского.

ском. Это — документ, свидетельствующий об уважении, которым пользовался прославленный адмирал С.О. Макаров во всем мире.

Среди открыток — портреты адмирала на фоне Тихоокеанской эскадры и броненосцев с Андреевским флагом, минуты

гибели «Петропавловска», скорбящая женщина-Родина. В июне 1915 года в Кронштадте был открыт памятник С.О. Макарову с надписью «Помни войну!». Памятник сохранился до нашего времени. Не одно поколение военных кораблей и ледоколов

носило имя выдающегося флотоводца.

Из упомянутого выше журнала я впервые, по крайней мере для себя, попутно узнал историческую деталь русско-японской войны. Все знают содержание знаменитой песни о подвиге крейсера «Варяг». Оказывается, впервые слова к ней были написаны немецким поэтом Рудольфом Грейнцем и опубликованы в Берлине на немецком языке в журнале «Югенд». Позже на русский язык стихи переведены поэтессой Е.М. Студенской...

Петербургская каходка — ценный вклад в историю города Тюмени начала нашего столетия.

На снимках: вице-адмирал С.О. Макаров; скорбящая Родина — адмиралу; к гибели С.О Макарова. Изд. С.М. Прокудина-Горского, СПб, 1904 г.

Миниатюры истории

Копия

Документ № 3

Телеграмма

Председателя
Тобольского уездного исполкома
в с. Черное Тобольского уезда
уполномоченному Патрашину

23 мая 1922 года

От имени Уисполкома, Укома приказываю Вам совместно с Начмилиции Песковым, предволисполкома Мальковым немедленно выехать в Малиновскую волость для проведения возложенных на Вас заданий. После этого заканчивайте работу всему району.

Ваше сообщение заставляет меня думать, что вы получив немочные сведения полужений, напуганы связи чем нет Ваших

действиях решительности, никаких разговоров о разногласии, неподчинении среди милиционеров Вашего отряда быть не должно.

Передайте им моего имени беспрекословно исполнять Ваши распоряжения. Помните что неисполнение возложенной работы Вы, Песков, Мальков будете отвечать перед Рертребуналом.

Последней телеграммой ПредВЦИК Калинин приказывает 15 июня работу изъятию закончить всей Республике. Подобные сообщения будущем явно говорящие Вашей слабохарактерности будете немедленно переданы суду.

Через каждые три дня телеграфно информируйте.

Пред. Тобуисполкома

(ТФ ГАТО. ф. 392, оп. 1, д. 146, л. 18)

Детская площадка

Владимир Новиков

Зайкина
шапка

Укрыл Пень Зайку от охотника, заслонил широкой корявой спиной, и прошел охотник мимо.

Поняв, что жив остался, Зайка стал на радостях благодарить своего спасителя:

— П-проси что х-хочешь! — заикаясь и унимая дрожь в теле, проговорил Зайка.

— Да мне ничего и не надо, — глухо ска-

зал Пень, — вот разве что шапку — зима на носу.

— Д-достану хоть из-под земли! — похвастался Зайка, с тем и убежал. Весь день ждал Пень зайкиного подарка.

И Зайка весь день искал в лесу шапку. К кому только не обращался. И лишь метель выручила.

Нагрелся поздно вечером холодный ветер, полетели первые снежинки.

Вглядывался Пень в снежные сумерки — не бежит ли косою с шапкой? Хмурился, дремал под свист метели, да так в ожидании и заснул.

Проснулся утром, открыл глаза, вокруг — белым-бело, а на голове шапка — белая, теплая, пушистая.

А тут и Зайка появился. — Спасибо за подарок! — поблагодарил его Пень.

— Носи на здоровье, спаситель мой! — сказал Зайка и побежал к себе в темный валежник отсыпаться.

Чей
в лесу стожок?

Стоял на опушке леса забытый, заброшенный стожок. До глубокой осени жил на стожке Ворон, а перед отлетом на юг решил его кому-нибудь отдать.

Сидит Ворон на макушке стожка и на весь лес горланит:

— Даар-р-ром отдаю... Дар-р-ром отдаю...

Синие дождевые тучи спустились к самой земле.

Ветер наклонил деревья, и посыпались последние листья. Значит, снег и большой холод уже где-то близко. Все обитатели леса слышат голос Ворона, но никто не спешит к нему, потому что у

каждого есть свое жилье, да и погода такая, уж лучше сидеть в тепле. И никому стожок не нужен.

Но Ворону неохота оставлять стожок на зиму без хозяина. И он снова и снова горланит на весь лес:

— Дар-р-ром отдаю... Дар-р-ром отдаю...

И вдруг из глубины ле-

са послышалось:

— Берруу... беррууу...

Это протрубил лесной красавец Лось. Он пришел к стожку и стал на зиму его новым хозяином.

Зима нагрелась метельная да морозная. А от стожка тепло исходит, летней травой от него пахнет.

Стал Лось возле стожка жить-поживать да

кормиться сеном пахучим, а стожок стал по травинке да по былинке убывать, уменьшаться, и к последним дням зимы как-то незаметно на месте стожка одно ржавое пятно осталось.

— Что я наделал! Что ворон скажет? — спохватился Лось. Но тут же успокоил себя:

— Ведь Ворон мне даром его отдал, поэтому какой с меня спрос?..

Оставил Лось пустое место и пошел по лесам друга себе искать.

А с первым весенним теплом вернулся Ворон, облетел вокруг опушку, но не нашел на ней ни стожка, ни его хозяина. Только крупный лосиный след на рыхлом мартовском снегу говорил ему, что лесной красавец перезимовал благополучно.

Замер,
Заяц!

Налетел холодный зимний ветер, и заскрипело в лесу старое дерево.

— Замер-р-р-заю... Замер-р-р-заю...

Оно скрипело, звало на помощь, но никто не остановился, никто ему даже не посочувствовал.

— Всем холодно...

Всем холодно... — проворча-

ла Лиса, убегая в свою уютную нору.

— Ничем помочь не могу-у-у! — торопился в теплое логово Волк. — Видишь, у самого от холода з-зубы ст-т-тучат!

И Медведь не остановился.

— Не в моих силах тебе помочь, — проревел он, — я ведь вас только ломать да с корнем вырывать могу, — и заковылял Медведь скорее залезать в свою берлогу.

Пробежал мимо Зайка. Из гостей возвращался. Веселый такой.

Бежит Зайка по тропе, песенку поет. А тут над самой головой:

— Замер-р-р-заю... Замер-р-р-заю...

Остановился косою, как вкопанный. «Никак кто-то ко мне обращается, — подумал он, — вроде командует: «Замер, Заяц!» — не расслышал он путем, песню ведь пел.

А над головой опять:

— Замер-р-р...

— Да замер я, замер! — испуганно проговорил Зайка. — Чего тебе еще?

Но тут как раз ветер утих и дерево замолчало.

— Ну вот, — вздохнул облегченно Зайка, — его спрашиваешь, а оно молчит, — и он молча побежал дальше, оставив Лису и прислушиваясь, не командует ли кто-то: «Замер, Заяц!».

Как Зайка Сороку
перехитрил

Бегают Зайка по лесу, а Сорока за ним летает и все со своими назойливыми вопросами:

— Куда, тр-р-русишка, бежишь? Куда, тр-р-русишка, скачешь?

Никакого от нее покоя! Нигде от нее не спрячешься!

И решил Зайка отвадить надоедливую болтушку-приставушку.

— На большую дорогу бегу, — сказал Зайка. — Там фермер мешок морковки обронил. Надо подобрать.

А любопытная Сорока всплеснула крыльями и полетела туда быстрее, чтобы первой быть... Прилетела на большую до-

рогу да облизнулась: там машины туда-сюда. Грохот. Дым. А морковки нет.

Вернулась Сорока в лес, нашла Зайку и опять пристала с вопросом:

— А теперь куда, тр-р-русишка, скачешь?

— Да к проруби на речку, — опять соврал Зайка. — Там рыбак во-о-от такую рыбу обронил. Надо подобрать.

Всплеснула крыльями сорока и быстрее туда — первой рыбу забрать.

Прилетела и увидела: женщины возле проруби с ведрами стоят, новости дня обсуждают. Видимо, они-то рыбу и подобрали... Облизнулась Сорока и вернулась в лес. Встретила Зайку и опять с назойливым вопросом:

— А теперь куда, тр-р-русишка, бежишь?

Видит Зайка, не отстает от него Сорока. И решил он покрепче соврать:

— Да вот, Стрекотунья, спешу к Лисе в нору на именинный пирог. Там у нее пир горой. Всех Лиса угощает.

Всплеснула глупая сорока крыльями и напрямик, быстрее, а то ведь все съедят, и с криком: «Пир-р-рога хоч-ч-чу!» — залетела прямо к Лисе в нору.

А Лиса сама голодная, только и думает: где бы чего поесть?

Увидела Сорока, что нет никакого угощения, повернула назад, да Лиса хват ее за хвост. Кубарем выкатилась Сорока из лисьей норы да только без хвоста. А без хвоста стыдно ей стало на виду у всех крутиться.

Вот так Зайка отвадил Сороку приставать с глупыми вопросами.

Зайка и куропатки

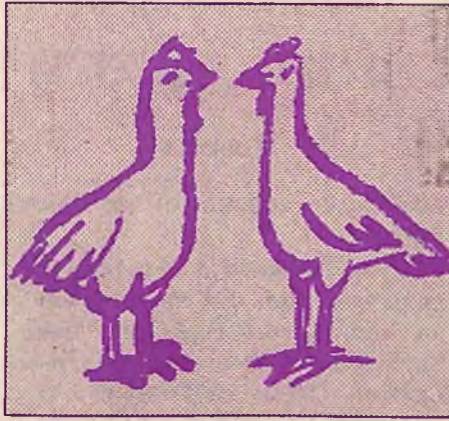
— **Х**оть ты и белый, Зайка, а мы тебя на снегу видим! — дружно прокричали с поваленного дерева белые куропатки.

— И я вас вижу, хоть вы и белые! — сказал Зайка.

— А теперь закрой глаза, — сказали куропатки, — сосчитай до десяти — найдешь нас?

Закрыв Зайка глаза, а куропатки тем временем и нырнули в снег.

Сосчитал он до десяти, открыл глаза и увидел, что вокруг никого.

Побежал туда, побежал сюда — нет куропаток нигде.

— Эй, где вы? — удивился косой.

Тут и выпорхнули куропатки из-под снега и засмеялись над заячьей неудачей.

— А теперь я буду прятаться, — обиженно сказал Зайка. — Сосчитайте до десяти!

Сели куропатки на дерево, закрыли глаза и стали считать:

— Раз, два, три...

А Зайка как дал стрекоча в глубину леса.

«Пусть попробуют найти!... — подумал он про себя. — Не нырять же мне в снег. Я это делать не умею».

Смелая Мышка

Взошла над лесом луна, и в черном дупле старого дерева засветились чьи-то глаза — зеленые, сердитые.

Смотрят глаза то влево, то вправо, что-то высматривают и, кажется, ничего доброго не сулят.

Хотел было Зайка убежать подальше от этих сердитых глаз, да выскочила из-под снега Мышка и спрашивает:

— Послушай, Зайка, чьи это там глаза?

— Не знаю, — ответил Зайка. — Помоему, эти глаза нас с тобой, Мышка, высматривают.

— Что ты, Зайка! Не пугай!

— Я не пугаю. Они пугают...

— А давай, Зайка, поближе подойдем, узнаем: кто бы это мог быть? Вдвоем все-таки не так страшно.

Косой, хоть и труслив, но тоже любопытен.

— Только ты, Мышка, первой иди, а я за тобой. Ты маленькая, тебя не видно.

Согласилась Мышка, и они пошли.

Крадутся от дерева к дереву, все ближе и ближе к черному дуплу, к страшным зеленым глазам. Вот уже совсем близко...

И в этот момент из черного дупла вылетела большая птица.

— Филин! — закричал Зайка.

— Спасайся, Мышка!

Накрыл Филин Зайку с Мышкой своими широкими крыльями. И все же успел Зайка выскочить из-под них и во весь дух, не оглядываясь, забежал в кустарник. Забился в спасительную гущу, сидит, дрожь успокаивает и сам с собой разговаривает:

— Из-за этой Мышки чуть хищнику в когти не попался. Эй, видите ли, узнать надо — чьи это глаза...

— А вот и узнали... А вот и узнали... А вот и узнали... — пропищал кто-то под снегом, но наружу не высунулся.

Лесной праздник

Всолнечный мартовский день заушали на полянах сугробы:

— Ух-х-х... Ух-х-х... Ух-х-х...

Скачет Зайка по сугробам, а они под ним ухают, как проколотые мячи, и приседают, будто плясать хотят.

«По какому случаю радость такая?» — удивился Зайка.

Побежал он в ельник, а у них, у елей, тоже веселье — снежными шапками бросаются.

И тут он не понял причины радости.

Кинулся в березовую рощу, а там грачей полно, и они такой веселый праздник устроили, столько шуму подняли, хоть уши затыкай.

Не вынес Зайка грачиного крика, поскакал в поле чистое. Но и там веселье: поле от радости так плачет, аж ручьи звонкие по канавам текут.

«Что за напасть такая в лес пришла? — все никак не поймет Зайка. — Вчера всего этого не было, а сегодня — смотри ты, сколько веселья и радости!».

Кинулся он опять в лес, да бежать никак не может: проваливается в снег, спотыкается.

«Что такое? — не поймет Зайка. — Ведь только что здесь бежал и не проваливался, а теперь снег, что каша?».

«Неужели весна пришла?! — опомнился Зайка. — Так весна — это же и мой праздник!».

Спор рябины с осиной

Заспорили в золотую осень рябина с осиной: кто из них ярче, наряднее.

Рябина хвалилась яркими алыми гроздьями.

Осина хвалилась нарядными оранжевыми листьями.

Стоят рябина с осиной — обе красавицы, даже трудно определить, кто из них ярче, кто из них наряднее.

Но вот налетел ветер-листобой и сорвал все листья с рябины и с осины.

Голой стала осина и неприметной, хоть и была выше и стройнее.

А рябина, хоть и потеряла листья, но сохранила алые гроздья и осталась все такой же яркой, приметной.

— Ну, кто из нас красивее? — спросила она осину. — То-то оно...

Однако недолго ей пришлось быть таковой.

Скоро пошли холодные дожди, потом снова вернулось тепло, а уж после него ударил мороз, и алые гроздья от всего этого потемнели, сморщились. И сама рябина согнулась, помрачнела.

А тут прилетели с первым снегом из далеких лесов красногрудые красавцы-снегири и сели на стройную, высокую осину.

Ярко засветилась осина. — Ну, кто теперь из нас красивее? — обрадовалась она. — То-то оно...

Зот Тоболкин

Месяц комара

Повесть

Бегство в неизвестность

Димка вышел из лифта налегке: в чехле — ружье для подводной охоты и еще одно ружье, «зауэр», в рюкзаке, там же немецкий магнитофон «грюндиг», японский спиннинг, одежда, продукты и через плечо фотоаппарат «Практика».

«Ну вот, я свободен!» — ликующе подумал он, кивнул дежурившему в подъезде милиционеру, оглянувшись, скользнул за угол и неспешно зашагал прочь от родного дома. Сколько можно, в конце концов? Уже двенадцать, а он еще нигде не бывал, если не считать прискучивших поездов в Артек, в Карловы Вары, в Армению, в Грузию, в Прибалтику да попутных посещений Москвы, Киева, Одессы и Ленинграда. Жищнь, в сущности, прошла бесцветно. Вот так и состаришься и нечего будет вспомнить. То ли дело Маринка! Он познакомился с ней в Артеке. Она прошла со своим братом на веслах от Тобольска до Карского моря, купалась в пяти или семи реках, видела белые ночи, медведей, спала у костров. Именно в то лето Димка решил, что проплывет через те же реки, что выкупается в Обской губе и, если удастся, подстрелит белого медведя.

— Если папа позволит, — кольнула его тогда Маринка.

Он обиделся и даже не стал с ней прощаться. И вот год прошел, и тетя собралась вместе с Димкою в Кисловодск, а он тихонечко улизнул. Теперь ищи ветра в поле.

— Далеко ли, Вадим Юрьевич? — некстати встретился шофер, ехавший за папой.

— На Чертовы острова, — бурк-

нул Димка, краснея от своего хвостовства.

— Далековато, — рассмеялся шофер Коля. Он недавно начал возить отца. Прежний, тоже Коля, ушел в армию. С тем Димка дружил. Тот был застенчив и внимателен. Этот чем-то похож на Маринку: такой же рыжий, язвительный, с дерзкими зелеными глазами. — Но я там бывал... — добавил он без улыбки и включил скорость.

Черная блестящая «Волга» змеей юркнула мимо. Димка двинулся по этой еще не разведанной земле в неизвестность. Или, если получится, на Чертовы острова. Вот рюкзак сколько тяжеловат. И на кой черт я понабрал этих банок? Все уходящие запасались едой в пути. Пусть там не будет сосьвинской селедки, черной икры, кальмаров и прочей дребедени, но в лесах полно дичи, в реках — рыбы. Спиннинг и ружья прихватил с собой не зря.

И все-таки рюкзак слишком тяжел. Надо чуть-чуть убавить груза. Димка поправил отпавшие очки, выбрал место поукромней и, сняв рюкзак, вытряхнул из него все лишнее. Лишним счел говяжью тушонку, икру, селедку, копченого муксуна, нельму. После всех этих деликатесов хочется пить. А от воды, как известно, люди толстеют.

Дворничиха, подметавшая во дворе, наткнувшись на Димкины припасы, изумленно ахнула и, озираясь, стала сгребать их в фартук. Спешила — во двор въезжал цыган, собиравший пустую посуду. Прижала все это добро к животу и, переваливаясь на варикозных ногах, поспешно заплюхала к камерке, в которой хранились лопаты и метлы.

— Эй, Дарья! — белозубо скалясь, кричал глазастый возница.

— Че прячешь?

К его возку спешили с сетками люди. Каждый нес бутылки, банки, баночки и бутылочки. Тимофей выбрал из очереди старенького, в полосатой пижаме профессора, велел ему: «Принимай».

Польщенный высоким доверием, старичок построжел, как на кафедре, и начал командовать: «Ставьте сюда, пожалуйста! Сколько? Ну, как всегда: полцены. Не так ли, Тима?».

— Тимофей Алексеич, — строго поправил его цыган, наблюдая за улепетьвающей Дарьей.

— Простите, простите, — искательно закивал профессор, но цыган на его мелкий подхалимаж не клюнул.

— Постой, Дарья! — крикнул он, догоняя дворничиху.

— Не узнала меня, что ли? Дворничиха дернула дверь каморки, фартук раскрылся, и на приступок полетели Димкины банки.

— Богато живешь! — присвистнул цыган, помогая ей подобрать банки. — Зарплату, что ль, увеличили?

— Какое там! Все те же семь червонцев. Да два за уборку подъезда.

— А это на какие шиши купила? Да ладно, ладно, я не о том, — видя, что Дарья смущена и сердится, успокоил цыган. — Семь червонцев... надо же! Я за день столько-то огребаю.

— Да ты же вон какой... змей горыныч! Любого обведешь вокруг пальца.

— Я, Дарья, добрый. Я хороших людей жалею. Вот и тебя мне жалко.

—*Стара я... И собой неприглядна, — смутилась дворничиха, однако невольно оправила подол застиранного платишка.

— Дур-ра! Я разве о том? Я ведь душевно с тобой... вот что, — сказал он решительно. — Бросай к дьяволу метлы! Передаю тебе свое дело.

— Это, что ль? — Дарья кивнула на очередь, вытянувшуюся вдоль возка. — Еще бы не мочначе!

— А чем худо? Вишь, работают. Профессор у меня в ассистентах ходит, — цыган подмигнул ей, оскалился и снисходительно помахал «ассистенту». — Получишь денежки с них, вожжи в руки и — на приемный пункт.

— А где я лошадь возьму? — быстро оценив выгоду его предложения, спросила Дарья. — Или на себе... с такими ногами?

— Зачем на себе? Вон Земфира... тебе отдаю. Телегу и сбрую — тоже.

— Отдаешь? Даром?!

— Цыган никогда даром не отдает. А продам честно... в расщепку. Да ты не бойся — за месяц рассчитаешься. Я дорого не запрошу, — он щелкнул ногтем по банке паюсной икры, снова подмигнул и, беззаботный, стремительный, легко спрыгнул с крылечка.

Дарья ошалело трясла головой, не верила вдруг подвалившему фарту. Потом хрипло вытолкнула из себя: «Согласна я. Слышь, семя дьяволово? Согласна...».

Цыган помахал ей рукой и, приняв от профессора кошель с деньгами, с песней выехал из двора.

День лился легкий, как радость, и пел вместе с неунывающим цыганом. И среди этого дня шагал по земле мальчишка в очках. Рюкзак его заметно полегчал, но все еще был полон всякого барахла. Димка рассудил, что многие из взятых вещей ему не понадобятся, например, тяжелые туристические ботинки, второй свитер, шубный жилет, надувной круг, маска. Сложив это все подле пустующей будки ГАИ, налегке тронулся в путь.

Город пах, и пах скверно. После недавних дождей парил ас-

фальт, деревья источали запах отработанных газов, тускло свитились запыленные окна до уныния одинаковых домов, журчала в канализационных колодцах вонючая жижа. Бежали из неизвестности в оба конца огромные красные автобусы, «Жигули» с палатками на крышах, «Нивы», «Запорожцы», «Москвичи».

«А я пешком, — с превосходством поглядывая на них, думал Димка. — Я, как Пржевальский, пешком».

Увидав черную с тремя нулями «Волгу», юркнул в ближайший подъезд. За рулем сидел рыжий Коля. На заднем сиденье дремал отец. Он всю ночь готовился к пленуму. Коля, заметив мальчишку, ухмыльнулся, но отцу ничего не сказал. Его тоже когда-то поманила к себе неизвестность. Людям нельзя мешать, когда она манит.

Мечта старого телеграфиста

Уха в консервной банке вскипела. Петрович попробовал ее на вкус, добавил соли, лаврику, причмокнул и снял варено с плиты. Было еще то раннее утро, когда большинство людей спят. Но бывший телеграфист не проспал в жизни ни единой зорьки. Он рисовал их, рисовал долго, старательно, и получалось красиво. Но на полотне они всегда что-то теряли. Исчезали теплота и трепетность, которыми наделила их природа. Вениамин Петрович сердился на свое неумение и беспомощность передать неповторимое совершенство зорь и, едва закончив один этюд, тотчас принимался за другой. «Не те, не те краски», — сравнивая с подлинником самый лучший набросок, бормотал он, посасывая старенькую пустую трубку.

За окнами, почти у самого дома, текла река. Берег рушился, и жилище художника было обречено. Но старик слишком к нему привык и, как

рег. Дом тем не менее уже нависал над обрывом, и веку ему оставалось всего ничего.

«Рухнет он, и я рухну...» — беспечно подводил итоги Петрович, глядя на заалевшую кромку неба. Там заря разгулялась, желанная, новая, не похожая ни на какие другие зори. Забыв о только что сваренной ухе, старик взялся за кисть и, проработав часа два, недовольно нахмурился. Этот рисунок был, пожалуй, одним из самых неудачных. «Может, оставить все это? Нет у меня дара божьего... Телеграфистом был, телеграфистом и остался...» — Петрович отбросил кисть и налил ухи. Есть, однако, не стал, отхлебнул и надолго задумался. «Как мало я знаю жизнь! А ведь за седьмой десяток перевалило... объехать бы всю Россию... или хотя бы область. Досуг есть... Обойти — не успею...».

Он вышел на пенсию, жил скромно, тратясь в основном на книги. Книг в его доме было много. Кроме «Всемирной библиотеки», альбомы и монографии по искусству, серия ЖЗЛ, мемуары, старинные рукописные книги, доставшиеся еще от отца. Вениамин Петрович любил их, как детей, берег, отряхивал от пыли и не терпел, когда кто-то, взяв книгу, загибал в ней листы. Уличив провинившегося, в чтиве ему отказывал. На каждой книжке был проставлен собственного изготовления экслибрис: телеграфный ключ, кисть, пересекающая его, и по полю надпись «С нами бог!».

Петрович не то чтоб веровал в бога, но его присутствие допускал. Когда-то на войне, лежа под ураганным огнем среди убитых своих товарищей, он сказал себе: «Если уцелею, значит, бог есть». Уцелел и, вернувшись с войны, все гадал — случайность это или действительно услышал бог? Говорил с богом, если испытывал какие-нибудь затруднения, но чаще всего советовался с ним в вопросах политики: «В Израиле-то опять шевелятся...

Как считаешь, войну не начнут?» — спрашивал он у Христа, который беспрерывно о чем-то скорбел, но помалкивал, очевидно, боясь попасть впросак.

Напротив окна, за рекою, когда-то стояла прелестная церквушечка. Петрович называл ее сибирским Василием Блаженным. Стояла на самом юру и вместе с зорями радовала глаз. Поутру над нею вились стрижи, урчали голуби и гомонили галки. Золоченые маковки сияли над голубой крышей и снежно-белыми лебяжьими стенами. Здоров ли, хвор ли был старый художник, а поутру первым делом торопливо подбегал к окну, здоровался с храмом, потом терпеливо и неслышно поджидал очередную зарю. Церковь и заря были для него, как две родные сестры, как тихое и грустное воспоминание о несбывшемся и прекрасном.

Все несбывшееся прекрасно. А не сбылось так много! Это было и горько, и сладостно. Это заставляло заново переживать юность с ее нерастраченными светлыми чувствами.

Где-то далеко жила женщина, теперь уж бабушка, когда-то милая, беленькая, как эта церквушечка...

Эта... Как временно все на земле! Однажды, вот так же чуть свет проснувшись, Петрович услышал негромкий вздох. Вздохнув, церковь приподнялась и как бы кивнула художнику куполами, скособочилась и осела, превратясь в груды битого кирпича, металла и пыли. Схватившись за сердце, Петрович тоже осел и не скоро пришел в себя. Очнулся, чтоб убедиться в человеческом свинстве. Над обрывом возвышалась серая куча, в небе, пыльном от взрыва, догорала горькая, снизу придымленная заря.

Это была вторая в его жизни потеря. Первую Петрович пережил давно, потеряв девушку, очень похожую на порушенный храм. Недождавшись его с войны (сообщили: пропал без вести), девушка вышла замуж за друга. Петрович любил ее по сей

друга. Петрович любил ее по сей день, ждал... и вот дождался: друг в прошлом году умер, и следовало бы съездить на похороны. Петрович даже собирался, взял билет, потратив две своих пенсии, а в аэропорту свалился и два месяца пролежал в больнице. Все сердце. Оно не выдержало потери друга и обретения первой любви.

Карман тоже поизносился. После болезни старик совсем охудал, продал почти новые валенки, полушубок. Зиму проходил в стоптанных кирзачах, а гимнастерка и брюки вот уже много лет служили ему верно: на редкость удачный попался материал. Правда, однажды... в гостях была женщина, журналистка из Москвы, которую интересовала не живопись Вениамина Петровича, а тип современного чудака. Петрович угощал ее кашей все из той же консервной банки, немножечко разволновался, заспешил, и от неосторожного движения на брюках сзади разошелся шов. А говорили об импрессионизме и по-французски.

Ну конечно же, чудак... Служил до пенсии и лишь в шестьдесят взялся за кисть. И вот уже семь лет рисует зори: зори с церквами, зори с людьми, зори с птицами... Что бы там ни думали о нем, а всякий день с зари начинается...

В его избушке, убранный просто и опрятно, ничего лишнего. И все сработано своими руками. Даже половики сам соткал из ремков. По стенам — картины, подаренные бывавшими тут художниками, родительские иконы, копия боттичеллиевской мадонны, чем-то напоминавшей ту единственную женщину.

На свою судьбу Петрович не жаловался, жалел лишь о том, что мало повидал на земле. Его все время тянуло убраться куда-нибудь на край света, чтобы коснуться зари горячей жадной ладонью, нарисовать ее, нежную, юную, и после этого спокойно

умереть. Но недостаток средств почти всегда ограничивал художника в передвижениях.

Когда началась война, Петрович в числе первых явился в военкомат. Им двигал не только патриотический порыв. «Теперь хоть на белый свет погляжу...» — неосторожно признался он военному.

Горячий, с бешеными глазами майор чуть не пристрелил его прямо в своем кабинете.

— Люди, понимаешь, воюют, а он — мир смотреть. Да я тебя, сволочь ты этакая... — заорал он, схватив за грудки добровольца.

— Вы не орите, — Петрович был дюж, плечист и росл: от его толчка военком оказался в противоположном углу. — Не орите. Я ничего плохого не сделал.

— Ты у меня повидаешь мир... через мушку! Ты у меня понюхаешь порошу, гад! — бесился майор, потирая ушибленное плечо. — Я тебя в саперы — пороешь землю!

Земли пороть пришлось порядочно, и белый свет повидал, но, как обещал военком, через мушку.

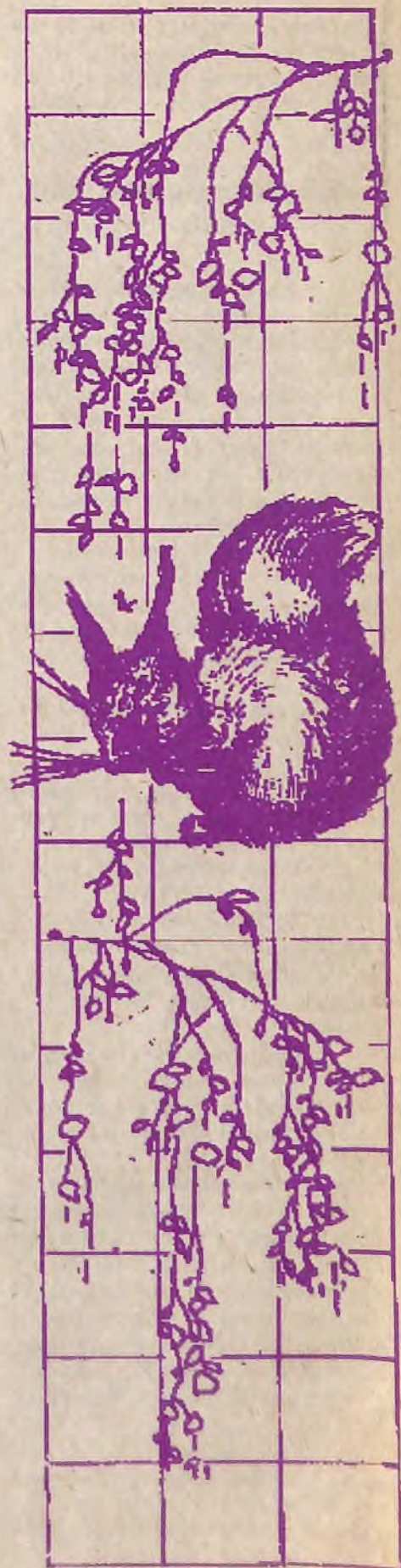
Теперь вот пришла пора взглянуть на него в оба глаза, и художник решил: «Пойду».

Навесил замок на двери, спустился с крылечка, еще не зная, куда идти. На юг — там дом Анфисы Ивановны. У ее ворот постоянно дежурят машины с шашечками. Во дворе суетятся пять-шесть старушек, складывая только что привезенную траву в веники. Да столько же уселись в машины, ждут хозяйку: предстоит еще один выезд в лес. Вот и она, высокая и властная. Увидав соседа, вежливо поздоровалась:

— За грибами собрался? Садись, подброшу, — и тут же высадила одну из участниц фитотерапевтического десанта.

— Благодарю, — холодно отказался художник. — Мне в другую сторону.

— Хозяин — барин.

Такси умчались на юг за травами. Петрович отправился на север. Солдатский сидорок его был легок, старый посох — гладок и прям.

«Благословляю вас, леса...»

— Куда бредешь, дед? — послышалось из малинника.

Вскоре оттуда показалась голова в очках, потом сам человек, застегивавший на ходу шорты.

«Тоже путешественник», — отметил Петрович, радуясь, что в лесу среди этой утренней поздней тишины оказался человек и, возможно, попутчик.

— Я туда... к заре. — художник махнул неопределенно рукой. — А вы, молодой человек?

— Никакой я не человек... то есть не молодой человек, — пробурчал Димка, наконец справившись с застежкой. — Я просто Димка.

— И куда же вы, Димка? — чопорно, устанавливая возрастную дистанцию, полюбопытствовал Вениамин Петрович.

— Куда-нибудь туда... ну хоть на Чертовы острова.

— А, тогда нам по пути, — художник, поправив его рюкзачок, одобрительно хмыкнул. — Вы налегке путешествуете, Димка.

— Перестаньте «выкать», не люблю. Можно же по-человечески выразаться. Я вас моложе.

— Вот как? Ну, если позволишь...

«О, допотопный какой-то, — рассматривая старика, Димка старался определить, что в нем необычного: выцветшая гимнастерка, старые сапоги, не то фиолетовые, не то лиловые брюки и синие, неба синей, глаза. — Ну прямо вылитый Жак Паганель».

— Давай, Димка, передохнем.

— Уже выдохлись? Оно конечно, в ваши годы... — ляпнул бестактно Димка, но спохватился и начал путанно объяс-

нять. — Моему отцу сорока нет, и то уж старик...

— А тебе сколько?

— Мне? Пятнадцать, — соврал Димка, но Петрович ему поверил.

Они присели под старой елью, и на них тотчас накнулись свирепые здешние комары. Были они крупные, породистые, после каждого укуса оставался красный следок. — О-от, заразы! — отбиваясь, ворчал Димка. — А я «Дэту» не взял.

— Есть у меня «Дэта», — Вениамин Петрович достал из своего сидорка бутылочку, подал парнишке. — Натирайся, пожалуйста.

— А вы? — истратив чуть ли не полфлакона, спросил Димка.

— Меня не кусают.

— Ну да, — не поверил парнишка. — Эти твари всех подряд жрут.

— Всех, кроме меня. Мы старые знакомые. Я каждое лето тут брожу.

— Им это до лампочки. Им лишь бы укусить. А вас или кого другого — все равно. Глупые потому что. И хищные.

— А вот смотри, — Петрович засучил рукава гимнастерки, выставил на съедение комарам загорелые крепкие руки. — Ну? Убедился? Ни один не сел. Ладно, хватит экспериментов. Давай подкрепися. Ты не против? — Старик разостлал газетку, вынул скудные свои запасы: пяток картофелин, баночку кильки, два ломтика хлеба.

«Негусто, — сглатывая слюну, с тоской подумал Димка, вспомнив о выгруженных сдуру банках. Как бы они сейчас были кстати! Тоскуя об оставленных во дворе продуктах, не заметил, что слупил свою и чужую доли, подобрал крошки на газете и все же был голоден. Наоборот, аппетит только разыгрался. — У вас что, больше ничего нет?

— Хорошего понемногу, — Вениамин Петрович отряхнул газетку, посмотрел ту страницу, где сообщалось о международных событиях. — В Чили опять

аресты, — вздохнул он, спрятал газетку в мешок и поднялся. — Пора в путь, Димка.

— А у меня еще есть еда, — Димка достал было из рюкзака банку с вареньем, но старый художник сунул ее обратно.

— Есть надо в меру, мальчик

— А вы знаете мою меру? — огрызнулся Димка, снова извлек банку и раскрыл складной нож.

— Ну, как хочешь. А я пошел, — Петрович подтянул лямки вещмешка, надел на плечи и слегка поиграл старым посохом

— И что? Бросите меня одного? — Димка торопливо вскочил, кое-как напялил рюкзак, вынул из него транзистор и побрел вслед за художником. В животе урчало, и музыка в транзисторе была урчащая, голос певца скоблил душу, как нож сковородку.

— Не мог бы ты выключить этот вой? — попросил художник, признававший только классику и русские народные песни.

— Вой?! — возмутился Димка. — Да что вы понимаете? Вой... это же высший класс. Это...

— Мне все равно, какой класс. Но дикари поют лучше, — мягко перебил его Вениамин Петрович, и Димке снова пришлось уступить.

Это было для него непривычно. Дома считались с любым его капризом. Хотел транзистор или спиннинг — отец привозил ему эти и всякие другие дефицитные вещи из очередной командировки. Правда, чаще всего за ними посылали на базу. Где эта база, Димка не знал, но не раз имел случай убедиться в ее могуществе. База могла исполнить почти любое желание. Зимой на столе появлялись свежие арбузы и дыни, не говоря уже об яблоках и апельсинах. Однажды Димка попросил у отца фирменные джинсы, и через два часа пять или семь брюк на выбор лежали перед ним на столе. Все штаны ему нравились, но Димка нарочно запривередничал, и шофер Коля еще два раза ездил на эту самую базу. К

джинсам понадобились мокасины, к мокасинам — носки, ковбойский ремень, джинсовая рубашка... Все, как в сказке про золотую рыбку, тотчас исполнялось. И Димке сделалось скучно. «Есть же что-нибудь такое, что этой чертовой базе не по силам?!» — размышлял Димка и, наконец, потребовал у тетки свежих грибов и клубники.

— Пожалуйста, Димочка, — тетка открыла холодильник и насыпала полную тарелку пупырчатых вкусных ягод. А через полчаса нажарила грибов со сметаной.

И Димка совсем заскучал. Бросив в рот несколько клубничин, сослался на головную боль и завалился спать.

Здесь все было наоборот. То есть не было ничего. Правда, попискивали в лесу какие-то птицы, била по лопатке банка с малиновым вареньем и оттягивал руку выключенный транзистор. Художник брел вдоль дороги, рвал травы и самозабвенно бормотал: «Синеголовик, иссоп, пустырник... Вот трав-то! Сюда бы Анфису Ивановну... Она бы тут развернулася!».

Нарвав несколько веничков, развесил их на ближних к тракту деревьях и низким густым басом запел: «И посох мой благословляю...».

Слова дальше не помнились, и потому старик начал снова:

— Благословляю вас, леса, долины, нивы...

Истратив весь запас слов, широко раскинул худые смуглые руки и прокричал: «Славно-то как, господи! Славно ведь, Димка?».

— Славно, — нехотя согласился Димка и угрюмо добавил: — Только жрать сильно хочется.

— Эх ты, организм! Давно ли обедали? А в этот час, между прочим, на земле голодают миллионы безработных.

Безработные где-то голодали, но Димке от этого было не легче. Придумав самый невинный предлог, он удалился в

кусты и слопал там малиновое варенье.

Три богатыря

Река явила себя в полдень. Явила, легла у ног и сказала: «Напейтесь!». Они сбросили котомки, напились и, усталые, растянулись на берегу. Димка тотчас уснул. Художник сквозь полусомкнутые веки следил за парящим в небе орланом, завидовал птице, которая часами может парить над землей и ею любоваться. «Мне бы так-то!» — несбыточно мечтал Вениамин Петрович, воображая себя летящим над зелено-голубою планетой, свободного, крылатого, сильного... Глаз зорок, сердце стучит взволнованно и мощно, взмахи крыл величавы и медленны. Как это чудесно, наверное, как чудесно! Он почти наяву ощутил за спиною крылья, счастливо всхлипнул, раскинул руки, но у берега кто-то засмеялся.

Плеснула волна, и с причалившего плота прыгнул веселый смуглый человек.

— Спишь? — он с осуждением цокнул, качнув кудрявою головой. — Э, какая скучная жизнь. Вот я живу!

Человек указал на плотик, качавшийся на воде. Там был сооружен шатер, и две девчонки шести-семи лет, свесив цыпущатые ноги, плескали водою друг на дружку.

— Возьми и меня с собой, — вдруг попросился Петрович, ни разу не плававший по реке.

— А этот сурок... твой? — он указал на протиравшего глаза Димку.

— Сурок, — проворчал Димка и неожиданно улыбнулся. — А что, мне нравится. Вы так и зовите меня — Сурок.

Увидав парящего над головою орлана, вынул ружье, зарядил, но выстрелил мимо: хозьяин плота отбил ствол. Орлан после выстрела взмыл в вышину и скоро скрылся из вида.

— Помирать полетел, — хвастливо заявил Димка, хотя все видели, что он промазал.

— Пустая башка! Зачем в птиц стреляешь? — закричал хозяин плота. — Они вольные, как цыгане.

— Ружье-то для чего изобрели? — огрызнулся Димка, стараясь не замечать ехидного смеха девчонок.

— Ружья для охоты. Ты просто так выстрелил. Обидел птицу.

— Да, некрасиво, — поддержал цыгана Вениамин Петрович.

— Он так чудесно парил!

— Во-от, понимаешь, — одобрительно кивнул цыган. — А этого щенка бить надо.

— Нельзя, — энергично замотал головой Димка. — Меня никогда не били.

— Еще раз выстрелишь — побью. Или ружье отниму.

— Чо отнимать-то? Я так отдам.

— Я в птиц не стреляю. Мать говорила — это души умерших.

— Тогда мне отдай, — попросила одна из девчонок. — Я воевать из него буду... А может, продам, когда придет черный день.

— Бери. Думаешь, жалко? — Димка и впрямь без сожалений отдал тяжелое ружье и забрался на плот. — Поплыли, что ли? — напомнил, боясь, что могут не взять.

Маленькие цыганки уже дрались между собою, деля ружье, но после окрика цыгана затихли, а через минуту что-то залопотали и стали смеяться, указывая на Димку. Димка покраснел, отвернулся.

Цыган помог художнику взойти на плот, принял у него посох и вещмешок. — Садись, — сказал вежливо, указав на чурку подле шатра.

Плотик от легкого толчка багром качнулся, выбрался на стремнину, и речка понесла его поперек Сибири.

— Эй, ромалэ! Песню! — крикнул цыган. Девчонки отложили понравившийся им «Зауэр» и тотчас завели какую-то грустную, но очень красивую песню.

Димке нравились эти люди: старый, немножечко странноватый художник, маленькие, с грязными ногами цыганочки, сам цыган, веселый и беззаботный. Лицо его казалось знакомым.

Димка напряг память и вспомнил: «Я же встречал его! Он ездил по дворам на лошади!».

Тимофей скосил на него огромный голубоватый белок, приложил ко лбу ладонь козырьком и присвистнул:

— Три богатыря, а? Звучит?

— Звучит, — от всей души поддержал Димка.

Миниатюры истории

Документ № 5

Из акта № 455

Тобольской уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей Губотделу РКИ о порядке учета изъятых ценностей

23 мая 1922 г.

Изъятие ценностей в г. Тобольске началось 8 апреля по описям, составленным предварительно комиссией по учету. Учет и изъятие производились в присутствии членов приходского совета и представителей от духовенства при участии специалистов-ювелиров, а в двух церквях Пятницкой и Покровской при участии представителей от Р.К.И.

Об изъятии церковных ценностей, с наименованием их и указанием веса, составлялся акт, скрепленный подписями всех присутствующих. При этом представляется необходимым отметить, что драгоценные камни и жемчуг в большинстве отдельно от золота и

серебра не перевешивались, а указывались общим вместе с теми предметами, к которым они относились, хотя и выпавшие (см. акт об Успенском Соброре). В некоторых же актах нет и характеристики о том, какие именно изъяты камни (указано лишь количество), что лишает возможности судить о ценности их. При такой системе учета, в случае замены камней совершенно другой породой, обнаружить операцию подмены не удастся.

Все ценности, изъятые из церквей, уложены в сундуки (48 сундуков и 2 тюка) и опечатаны печатью народного судьи 8 участка Тобольского уезда и сданы в Тобольский уездный финотдел, где и хранятся в денежной кладовой, охраняемой дневным и ночным караулом 6-й отдельной роты Осназа. Один ключ от кладовой хранится у контролера, а второй у кассира. Особого учета изъятым ценностям в Тобуфинотдела не ведется, а указанное количество сундуков и тюков проведены лишь по балансовым счетам, по счету переходящих (сумм) ценностей по условной оценке в один рубль каждый сундук и тюк. По предъявленному мне т. Кошуковым сведениям скомбинированным из актов по изъятию (ценностей) всего значится поступившими в подкомиссию от церквей по г. Тобольску:

золота — 1 ф. 67 зол. 6 д.,
серебра — 79 п. 25 ф. 67 зол.
47 дес.,
камней разных 1690,
из коих бриллиантов 190 шт.

Из церквей и монастырей Абалакской волости:

золота — 15 ф. 84 зол.,
серебра — 14 п. 6 ф. 55 зол,
камней разных 419 шт,
из коих 29 бриллиантов.

По объяснению т. Кошукова, количество камней далеко не точное, т.к. камни мелкие бирюза, жемчуг прикрепленные к венцам и др. предметам, комиссией совсем не подчитывались, а лишь взвешивались общим весом с изъятыми предметами. Проверки ценностей мной не производилось.

Ввиду того, что изъятия церковных ценностей составлены неправильно, драгоценности точно не подсчитаны и не взвешены, а породы их в большинстве не поименованы, а общее количество, значащееся в сведениях, действительно не соответствует.

(ТФ ГАТО, ф 392, оп. 1, д.
146, л. 7-8, отпуск)

К 600-летию проникновения ислама в Сибирь

Сибирские татары религиозны. Они издавна исповедуют ислам суннитского направления. Распространителями его среди них были среднеазиатские проповедники.

Процесс проникновения ислама в Западную Сибирь был длительным, и его начало относится к концу XIV века. Первоначально это вероучение здесь насаждалось насильственно, о чем говорят дошедшие до нас исторические документы и народные предания. К примеру, в библиотеке Тобольского краеведческого музея-заповедника (инв. № 61, кп. 12890) хранятся две татарские рукописи, переведенные на русский язык и изданные в конце XIX века казанским профессором Н. Катановым в статье "О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири" (Ежегодник Тобольского губернского музея, 1905 г., вып. 14). Одна из них написана Саидь Вакасом Аллакуловым, вторая — Кашшафом Абу-Саидовым. Внимательно изучив их, Н. Катанов отметил, что в них сочетаются и арабские, и персидские, и татарские слова и фразы, причем не всегда правильных начертаний и орфографии. Объем этих рукописей — в 4 и 3 страницы. Содержание же их (не дословное) таково:

797 год по мусульманскому летоисчислению (с 27 октября 1394-го по 15 октября 1395-го по новому стилю) в азиатском мире стал годом начала всеобщего согласия с исламом. А начиналось все в священной Бухаре, во времена хана Абу-ль-лейса с соизволения основателя Ордена мистиков "Накшбандия" имана ходжи Багау-ль-хакк-уа-д-дина. Именно здесь 366 шейхов, прибывших сюда из различных городов восточных и западных стран и ставших искренними последователями ислама, получили указание, в какую сторону следо-

вать для внедрения исламской веры. Их высокое благородие иман ходжа, обратив к шейхам свое благословенное лицо, рассудительно сказал:

"В больших исторических книгах я видел, что когда повелитель правоверных Алий (зять Мухаммеда, царствовавший в 656-661 гг.) отправился и, проникнув через Индостан, насадил ислам в странах Чин и Мачин (т.е. в Китае), одну половину Китая обратил в ислам, а на другую наложил дань. Но некоторые возмутились и сбежали в страны Тарган-хана. И, опасаясь меча повелителя правоверных господина Алия, прибежали к реке, известной у тюрков именем Иртыш (по-таджикски — Аби-Джарусь). Там имели кочевья хотаны, ногаи, кара-кыпчаки, которые также не имели своей веры. Все они были татары, поклонявшиеся куклам (т.е. идолам). Теперь вам приказание мое: приглашайте их к исполнению ислама. Если они вашего приглашения не примут, то учините с ними великую войну за веру!".

После столь строгого наказа имана ходжи Багау-д-дина, 366 конных шейхов поклялись: "Ваше приказание с честью будет исполнено!". И направились к хану Шейбани, управлявшему среднеазиатскими степями. Узнав об их миссии, он поддержал замысел имана и вооружил своих всадников-героев. Более того, в целях обеспечения успеха предстоящей большой войны за веру он лично вместе со всеми направились к берегам Иртыша и учинил там великое сражение, так как местное население ислам добровольно не приняло.

Согласно преданиям, по берегам Иртыша не осталось ни оврага, ни реки, ни болота или озера, где бы не шли сражения. Во время битвы среди посланников шейха Багау-д-дина и местных тюрков погибло множе-

ство людей. В одной из рукописей указывается, что только из числа воинов хана Шейбани пали 1448 человек. Но итогом этой сечи было все же то, что большинство язычников и татар приняли ислам, хотя часть их сбежала обратно в Китай.

Хан Шейбани, отправившись с оставшимися 252 героями в Среднюю Орду (в степные места), стал называться уже Вали-ханом (Святым ханом). Из 366 воинственных шейхов 300 погибли, трое из оставшихся в живых проповедника обосновались в Сибири, чтобы обучать основам своей веры местные народы. Остальные 63 миссионера вернулись в священную Бухару к иману ходже Багау-ль-хакк-уа-д-дину, чтобы доложить ему о выполнении задания.

Так, в Западной Сибири утверждалась исламская вера. Однако провозглашение путем военного сражения исламской веры еще не означало, что она повсеместно сразу внедрялась. Вначале, вероятно, эту веру принимала лишь часть населения, обитавшая преимущественно оседло по берегам Иртыша. Не исключено, что феодальная верхушка татарской знати также могла принять мусульманство в числе первых.

Массовая исламизация предков сибирских татар развертывается позднее, когда в Сибирь открываются постоянные торговые караванные пути, когда в Сибирском ханстве ислам был введен как официальная религия. Об этом говорится в сказаниях-преданиях сибирских татар.

В конце XIX столетия академиком-тюркологом В.В. Радловым со слов ишимских и тобольских татар были записаны два предания. Они послужили ученому основой для написания двух статей, которые нами воспроизводятся без особых языковых и стилистических изменений, но с некоторым сокращением.

Статья первая

— Мы слышали от своих отцов и дедов, — рассказывал житель Саргатской волости мулла Ильясов, — что в давние времена в Тобольском Искере жил хан по имени Ахмед-Гирей. Во время его правления умер шейх-уль-ислам (глава мусульманского духовенства, наставник ислама) Искерской земли, и хан Ахмед-Гирей послал к хану Бухары специального человека сказать ему: "Пришлите к нам какого-нибудь великого шейх-уль-ислама". Бухарский хан, в свою очередь, отправил человека с письмом Ургенцкому (т.е. Хивинскому) хану, в котором просил: "Пошлите в Искерскую землю какого-нибудь шейх-уль-ислама".

В то время Ургенцким ханом был некий человек по имени Алагул (Алла-кули, сын Агатай-хана и внук Аминек-хану роднею в 13-м колене). Алагул попросил одного шейх-уль-ислама, чтобы тот отправился в Искерскую землю. Шейх-уль-ислам согласился.

У Алагула был великий визир мулла по имени Муса

(по-русски Моисей). У него было 9 сыновей, из которых старший мулла Якуп (по-русски Яков) был весьма ученым человеком. Шейх-уль-ислам стал просить у мульты Мусы его старшего сына муллу Якупа, чтобы взять с собою в Искерскую землю. Мулла Муса согласился отпустить сына. После этого шейх-уль-ислам и мулла Якуп с ахунами ("ахун" — мусульманский старший священник), мирзами ("мирза", "мурзу" или "мырза" — писарь) и слугами отправились в священную Бухару в составе 500 человек. Бухарским ханом был Абу-лейсь. Он шейх-уль-ислама и муллу Якупа принял с большими почестями и через несколько дней выделил им еще некоторое количество ученых, отправил всех в составе 1000 человек в Искерскую землю.

Ахмед-Гирей, оказав великие почести прибывшим шейх-уль-исламу, мулле Якупу и другим муллам, дал каждому должность. Имя шейх-уль-ислама было Ширбет-шейх. Через год Ахмед-Гирей скончался (в других преданиях — тесть организовал его убийство), и его место хана занял Кучум.

Могильный памятникъ съ Ханскаго кладбища близъ Тобольска.

Миниатюры истории

Решительность в действиях

Зимой 1921-1922 гг. число голодающих в Советской России достигло 23,2 млн. человек. Голод охватил основные сельскохозяйственные территории. Причиной была не столько засуха, сколько обескровившая деревню трехлетняя политика продразверстки, разжигающая гражданскую войну в деревне. Большевицкое правительство воспользовалось ситуацией, чтобы под благими целями начать растянувшееся на долгие десятилетия преследования священнослужителей и верующих, закрытия и разрушения храмов.

В секретном письме от 19 марта 1922 года членам политбюро ЦК РКП(б) В.И. Ленин писал о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1921 г. и об изъятии церковных ценностей в целях получения

средств для борьбы с голодом. Истинные цели этой благой кампании были совершенно иными... «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может, и несколько миллиардов). А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам это не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не дает нам настроения широких крестьянских масс», — писал Ленин (Известия ЦК КПСС, № 4, 1890).

В Тобольском филиале облгосархива хранится папка с документами Тобольского уездного исполкома «об изъятии церковных ценностей» из всех церквей г. Тобольска и Тобольского уезда 1922 г.

Подборка документов, ранее нигде не публиковавшихся, позволяет увидеть, как проводилась эта кампания в губернском городе Тобольске, центре Тобольской епархии, насчитывающем в то время только в Тобольске 28 православных церквей, один православный монастырь, 5 часовен, один римско-католический костел, одну лютеранскую кирху, одну магометанскую мечеть и одну еврейскую синагогу.

Подготовка текста документов к публикации и комментарий зав. сектором публикации и использования документов Тобольского госархива

Т.А. Пановой.

Мулла Якуп, сын визира Мусы, приехавший вместе с Ширбет-шейхом, отправился к устью реки Ишим в Саргатскую волость, чтобы учить детей грамоте, а народ — религии. У устья Ишима построил дом, там он прожил жизнь. У муллы Якупа был сын муллы Юнус, у которого также был сын по имени Якуп (по имени дедушки). У этого муллы Якупа был сын Абду-лла. У Абду-ллы был сын Салар-суфий, а у последнего — сын Касмак. Сын Касмака — Тилеутмет, сын Тилеутмета — Канай, его сын — Бикена, сын Бикенэ — Айтпага, его сын — Раймбака. Сын муллы Раймбака мулла Ильяс, рассказавший это предание академику Радлову. Отец Ильяса — Раймбака — 100 лет от роду. Это он рассказал Ильясу эту сказку-предание. Ильяс же (в XIX веке) по отношению

к визиру Мусе (в XVI веке) был в 12 колене родства.

Статья вторая

Она была записана под диктовку из древних рукописей на наречии тобольских татар тем же академиком В.В. Радловым в селении Саургач. В статье воспроизводится рассказ представителей среднеазиатских проповедников о том, как они приехали в Сибирское ханство для обучения местного населения исламской религии. Рассказ шейх-уль-ислама Шербети передали так.

В 980 году гиджры (по-русскому летоисчислению в 1572 году) Искерский хан Кучум отправил к Бухарскому хану Абду-лле посольство с просьбой прислать еще одного шейха. Хан Абду-лла сказал ходже Якупу:

"Снаряди одного потомка сеида (мусульманского священника) и одного шейха (наставника) к сибирскому народу для наставления его в вере". Затем Бухарский хеким (правитель, уездный начальник) сказал: "Кого же бы послать? В Ургенче есть некий Ярым-сеид, ученый, знающий дело, не послать ли его?". Хан Абду-лла сказал хекиму: "Откуда мы пошлем шейха?". Хеким ходжа Якуп сказал: "И шейха пошлите из Ургенча, пошлите Шербети-шейха". Хан Абду-лла сказал: "Хорошо, пусть будет так". Потом хан Абду-лла приказал хекиму: "Ургенчскому хекиму хан-сеиду пошли письмо".

Якуп написал письмо хекиму и отправил в Ургенч послов, прибывших от хана Кучума. В этом письме он писал: "По священному повелению и приказанию муфтиев да будет извест-

Миниатюры истории

Обязательное постановление

Ишимского Округного Исполнительного Комитета Советов Раб. Кр. и К.Д.

гор. Ишим **№ 3** 20 октября 1929 г.

«О мерах борьбы с эпидемией брюшного тифа»

В целях пресечения дальнейшего распространения и ликвидации на территории Ишимского Округа эпидемии брюшного тифа и на основании постановления ВЦИК и СНК от 28 июня 1926 г. (С.У. 1926 г. № 39, ст. 304) и в дополнение обязательного постановления Окрика № 33 «О мерах борьбы с заразными болезнями», Ишимский Округной Исполнительный Комитет постановляет:

§ 1

Ввиду массового распространения заболеваний брюшным тифом в Ильинском, Сладковском, Сорокинском районах Округа объявить эти районы неблагополучными по брюшному тифу.

2

При появлении подозрительного заболевания по брюшному тифу глава семьи, квартирный хозяин, домохозяйин, управляющий домом, ответственный руководитель учреждений или предприятий и каждое другое лицо, бывшее в соприкосновении с больным, если ему известно, что о больном не сообща-

лось, обязаны немедленно сообщить на ближайший врачебный или фельдшерский пункт.

§ 3

Установить немедленную госпитализацию всех заболевших брюшным тифом.

Примечание: лечение заболевших брюшным тифом на дому допускается лишь в исключительных случаях с согласия врача.

§ 4

Провести обязательную профилактическую от заболевания брюшным тифом прививку среди всего населения, начиная с 15-летнего возраста.

§ 5

Обязать всех заведующих школами, учреждениями и местами общественного пользования обеспечить их достаточным количеством кипяченой остуженной водой.

§ 6

Обязать немедленно очистить берега рек, озер и других источников водоснабжения от засоренности мусором, навозом и другими нечистотами и впредь не допускать загрязнение их.

§ 7

Запретить в местах забора воды для питья и приготовления пищи и вблизи их производить стирку и полощение белья и водопой скота.

§ 8

Лица, виновные в нарушении настоящего обязательного постановления, подвергаются в административном порядке одному из следующих взысканий:

а) предупреждению, б) штрафу до 10 руб. и в) принудительным работам до 14 дней.

§ 9

Наблюдение за проведением в жизнь настоящего обязательного постановления возлагается на органы здравоохранения, милицию и сельсоветы.

§ 10

Настоящее обязательное постановление вступает в силу немедленно с момента его опубликования и действует на территории Ильинского, Сладковского и Сорокинских районов Ишимского Округа впредь до отмены, но не более одного года.

Зам. председателя Ишимского Округного Исполнительного комитета (Ф. Кириллов)

Зав. Отв. Секретаря Окрика (П. Фулеринов)

(Ф. 3. оп. 1. д. 620, л.д. 167)

но Вам, Ургенчскому хан-сеиду: по получении сего письма препоручите послам Кучума... Ярым-сеида и Шербети-шейха! Хан-сеид-ходжа проводит потомков сеида и шейха с почестями и уважением, на дорожные расходы выдаст из казначейства. Кроме того, пусть выделит им в спутники хороших людей. Посылаемые люди должны быть средних лет".

Послы хана Кучума доставили Ургенчскому хан-сеиду письмо хана Абду-ллы с большим удовольствием, и тот, получив письмо, прочитал его до конца. Хеким хан-сеид-ходжа пригласил Ярым-сеида и Шербети-шейха в управление, дал им прочитать письмо. Прочитав письмо, Ярым-сеид и Шербети-шейх сказали: "Если хан Кучум требует для наставления в вере потомков сеида и шейха и если хан Абду-лла приказывает, то мы поедем обучать веру исламскую".

Потом мы приготовили все, что нужно было в дорогу, и отправились в Искер -- город сибирского народа. Через несколько дней мы подъехали к Искеру на берегу Иртыша. Приехавшие с нами послы хана Кучума сообщили о нашем приезде. Хан Кучум переплыл со своими слугами через Иртыш к нам навстречу, поздоровался с нами, и мы приехали в Искер вместе с ханом. После этого Кучум приказал Ярым-сеиду быть хекимом и находиться при нем. Ярым-сеид, пробыв в Искере два года, умер. После смерти Ярым-сеида мы (Шербети-шейх) из Искера вернулись в Ургенч.

После этого хан Кучум опять в Бухару прислал послов с письмом: "Ярым-сеид умер, а Шербети-шейх вернулся к себе в

Ургенч, возле нас нет теперь людей ни для священных повелений, ни для наставления в вере, пусть пришлют еще потомков сеидов и шейха". Хан Абду-лла приказал хекиму: «Пошлите потомка сеида и одного шейха». Хеким ходжа Якуп сказал: «Раньше ездил Ярым-сеид, теперь пошли Али-ходжу (т.е. Дин-али-ходжу), сына Мырали-ходжи младшего брата Ярым-сеида. Пусть он едет с Шербети-шейхом. Так прикажи им".

Затем хан Абду-лла приказал хекиму Якупу: "Иди в управление и напиши бумагу: пусть по моему приказанию Ургенчский хеким хан-сеид пошлет вместо умершего Ярым-сеида Дин-Али-ходжу и Шербети-шейха". Ходжа Якуп написал письмо. Послы также отправились в Ургенч и письмо отдали хекиму хан-сеиду с почестями. Хан-сеид позвал в управление Дин-Али-ходжу и Шербети-шейха. Мы, Шербети-

шейх, были дома и пришли в управление, а Дин-Али-ходжа не пришел.

Спросили у посыльных: "Где же Дин-Али-ходжа?".

Посыльные сказали: "Он в школе, дает уроки". Затем за Али послали еще одного человека и сказали: "Подожди его на дому и, как только придет из школы, приведи его сюда, в управление". После школы Дин-Али-ходжа был приведен в управление. Хан-сеид-ходжа спросил: "Какой дадите ответ насчет поездки в Искер?". Дин-Али-ходжа ответил: "Мы посоветуемся, а через неделю дадим ответ". Через неделю мы сказали: "Пошли нас вместе с этими послами в Бухару, кроме Бухары мы никуда не заедем". Ургенчский хеким сказал: "Да пусть будет так". Затем мы приготовили дорожные принадлежности, взяли из казначейства деньги на расходы и отправились в

Бухару, куда прибыли через несколько дней.

О своем прибытии мы доложили, и Абду-лла нас упрекнул и сказал: "Я велел вам ехать сразу за Ургенч в Искер. Зачем вы приехали сюда?". Мы с Дин-Али-ходжа ответили, что "дорога в настоящее время опасная, дай нам в спутники Ахмед-Гирея, старшего брата хана Кучума". Хан вместе с нами послал Ахмед-Гирея и еще 100 человек. Затем мы вместе с послами хана Кучума прибыли сюда в Искер и приступили к выполнению своей миссии по обучению сибирского народа мусульманской вере.

Некоторые культовые служители и просветители, прибывшие в Сибирь для внедрения ислама в татарских деревнях, оставались навсегда. Именно с тех давних пор места захоронения видных шейхов в деревнях Тоболо-Иртышского региона считаются для местного насе-

ления священными и называются "астана" (с арабского — порог двери, вход во дворец). Вот перечень некоторых известных священных могил (мавзолеев) на территории нашего края, упоминающихся в старинных рукописях:

1. На берегу Иртыша, в Искере — шейх Айкани.

2. Там же, перед Искером — шейх Барий.

3. Шейх Назар (Назыр).

4. Шейх Шерпети (последние трое — братья).

5. В Кучя-Ялане (Кучайлане) — шейх Муса.

6. На холмах (близ д. Елань Вагайского сельсовета) — шейх Юсуф.

7. На Баише — шейх Хаким.

8. В реке Вагай — шейх Касим.

9. На Собре (Сопре), с правой стороны Иртыша — шейх Ахмед-Алий.

10. Там же, на левом берегу реки — шейх Дервиш Алий.

11. В Увате (у оз. Уватского) — шейх Турсун-Алий.

12. Недалеко от реки Вагай близ д. Юрмы — шейх Давлет (Тавлет)-Алий (последние четверо братья).

13. В Тебенде Усть-Ишимского района — шейх Анджетан (Анчафей).

14. У устья Ишима, в с. Большой Буран — шейх Бигяч-ата.

15. В Вагае — шейх Багрэм.

16. На берегу Вагая — шейх Назар (последние двое — братья).

17. В Бикатуне (Бигатино) — шейх Мир-Кямал.

18. В с. Карагай — шейх Ходжай (последние двое — братья).

19. У оз. Лючюк — шейх Науф.

20. В Атьяле — шейх Аляф (последние двое — братья).

21. В Бурбаре (Варваре) — шейх Дауд.

22. В с. Каш — шейх Абдуль-Азиз.

23. В Кан-Чубаре (Канчабере) — шейх Абдул Менаф (последние двое — братья).

24. В Эрм-джине (Аремзяне) — шейх Дауд.

25. В Карбине — шейх Омар-Алий.

26. На возвышенности у с. Карагай, у Красного Яра — шейх Кепеш-Алий (последние двое — братья).

27. В Штамане — Акыр-биби.

28. В Юруме (Юрме) — Хадиджа-биби.

29. У с. Саургач — Салиха-биби, старшая дочь шейха Муслиху-д-дина, участвовавшая в войне за веру и погибшая в овраге Чарбий (Джирбий).

30. У р. Ахут (Агют), впадающей в Вагай, — Арифа-биби, младшая дочь шейха, погибшая как и Салиха-биби.

Этот список из 30 мавзолеев (священных могил) составил

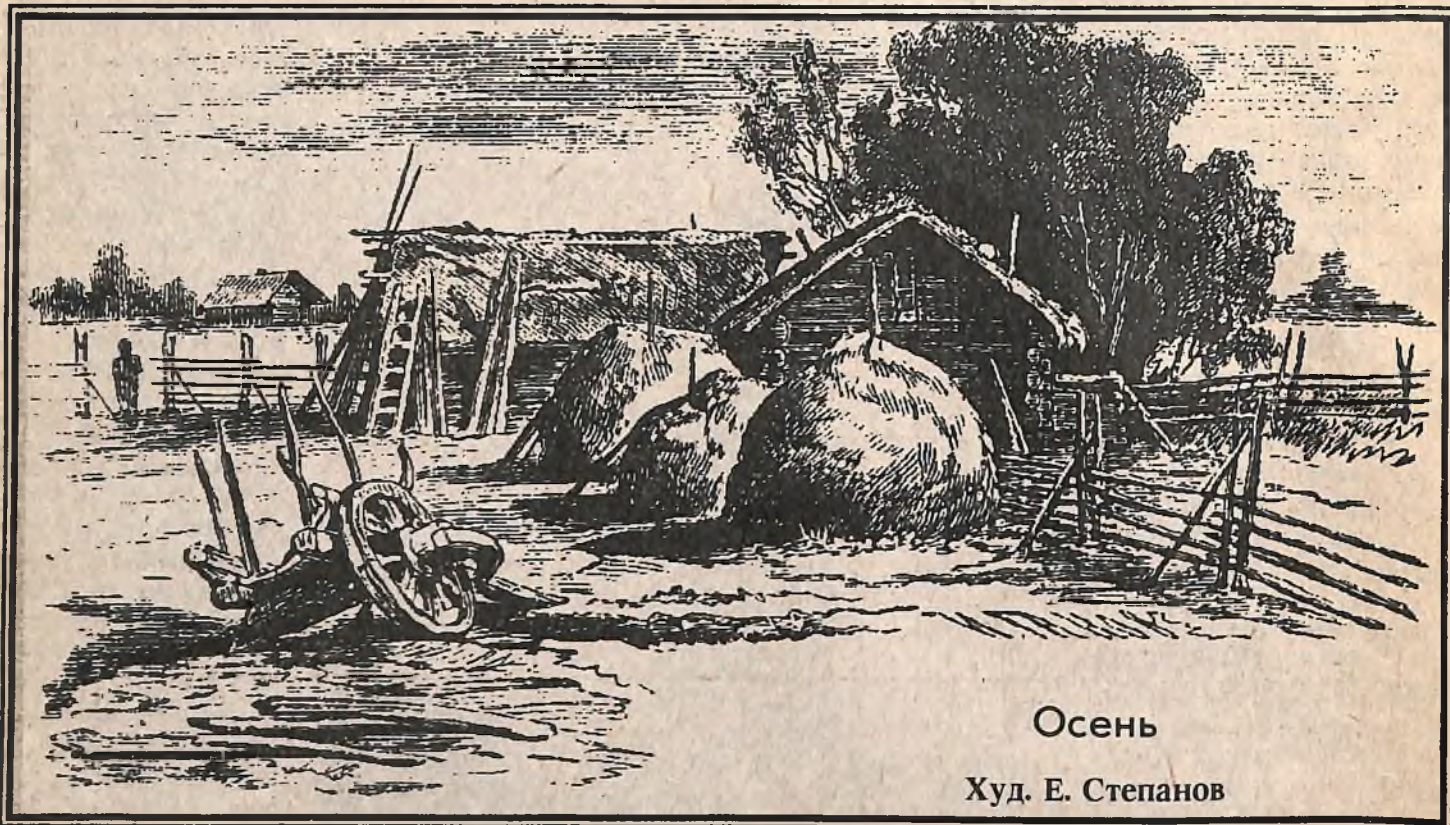
судья Абдул-Карим, ахун Тобольска и Томска, один из ханских потомков ходжи Ибн-Ямина. Кроме того, в Тобольском уезде (на берегу Иртыша, у селений Карагай и Кюмюшле) были обнаружены мавзолеи шейха Кепиш-Алия, по близости от него — шейха Бугая, его сына шейха Сафара и его сыновей — шейхов Ураса и Ир-Семета. Далее сына Ураса шейха Рамазана, его сына шейха Абу-л-хасана и его сына шейха Мухамед-Шарифа. Ишан шейх Юсуф из Сайрама открыл исламскому миру еще 10 древних мавзолеев.

Таким образом, как показывают вышеуказанные старинные рукописи представителей мусульманского духовенства и народные

предания-сказания, первые акты обращения местного тюркоязычного населения Прииртышья в ислам совершались в конце XIY века, а массовая исламизация предков сибирских татар осуществлялась во второй половине XVI века, когда в Тоболо-Иртышском бассейне утверждалось сибирское ханство. Причем в период правления этим государством Кучума среди сибирских татар ислам внедрялся не только как мусульманская вера, а через него осуществлялась просветительная работа и воспитывался народ, утверждались общие традиции и обычаи местного населения.

И. Гарифуллин

На снимках: мечеть в деревне Муллаши; мечеть в селе Ембаево.

Осень

Худ. Е. Степанов

Миниатюры истории

В Президиум
Уральского Областного
Исполнительного Комитета

Копия: Уралоблфо
Ишимского Окружного
Исполнительного Комитета

Докладная записка

При предварительном согласовании бюджета в Облфо целый ряд совершенно неотложных нужд округа удовлетворен не был, как например:

1. Не включен расход на постройку бани в сумме 49 тыс. руб., в то время как строительство бани в текущем году развернуто за счет кредитов Комбанка с тем, что в 1929/30 году баня эта достраивается за счет ассигнований местного бюджета (в текущем году никаких средств на постройку бани из местного бюджета не затрачивалось).

2. Не принят расход на водопровод в сумме 20000 рублей. Этот расход вызывается крайней необходимостью вследствие того, что город Ишим совершенно не имеет сколько-нибудь удовлетворительных питьевых источников и что сравнительно незначительными затратами на расширение существующего уже водопровода (три водоразборных будки в центре города) дает возможность все же значительного улучшения снабжения города водой. Это имеет также нема-

ловажное значение и для противопожарных мероприятий...

5. По здравоохранению не принят расход в сумме 46000 руб., состоящий: а) страхование здания — 5500 руб.; б) на реорганизацию врачебных пунктов в больницы и расширение на 10 коек Сладковской больницы — 9000 руб.; в) на реорганизацию фельдшерского пункта во врачебной и содержание двух фельдшерских пунктов, содержавшихся до сих пор за счет средств по самообложению, на 1 акушерский пункт при Сладковской больнице и 1 зубоврачебный кабинет в Викуловском районе - 9500 руб.; г) на содержание 1 санитарного врача и на городской пункт первой помощи — 6500 руб.; д) периодические прибавки медперсоналу — 1500 руб.; е) увеличение заработной платы медицинскому персоналу в связи с естественным и крайне необходимым расширением штатов в городской больнице, горамбулатории и родильном доме и проч. — 14000 руб...

Зам. пред. Ишимского Окрисполкома (Кириллов)
Зав. Окрфо (Постухов)

29 августа 1929 г.,
г. Свердловск

(Ф. 3, оп. 1, д. 601, л.д. 324 и 325)

Миниатюры истории

Было к чему приложить большевистскую руку

В Тобольском филиале облгосархива в фонде губернского статистического комитета имеется любопытный документ об имущественном положении членов первого Каньгинского с/х товарищества.

Документ был составлен для получения из государственного банка ссуды на прокорм молочного скота крестьянами, проживающими в Тобольской губернии, Ялуторовского уезда, Томиловской волости деревне Каньга.

Документ относится к началу XX века, не позднее 1913 г.

(Для справки: д. Каньга (по данным 1904 г.) расположена при реке Каньгинка, на проселочной дороге, от Ялуторовска в 22 верстах от волостного правления (д. Томилова) в 20 верстах, имеется часовня, количество дворов — 47, мужчин — 115 человек, женщин — 118 чел.

Имена, отчества и фамилии членов товарищества	Кол-во лошадей у каждого из членов товарищества	Общее кол-во рогатого скота у каждого из членов товарищества	в том числе молочных коров	На какое кол-во коров испрашивается ссуда	Какая сумма испрашивается в ссуду
Ефим Андреев Бутов	5	10	10	5	100
Иван Анисимов Шульгин	8	11	10	5	100
Кирилл Анисимов Шульгин	7	7	7	3	60
Иван Семенов Петелин	15	15	12	3	60
Григорий Павлов Яригин	5	7	6	2	40
Иван Михайлов Плосков	5	8	8	4	80
Степан Григорьев Таловиков	8	11	8	4	80
Степан Васильев Кривошеков	7	4	4	2	40
Семен Степанов Петелин	4	6	6	3	60
Андрей Иванов Иванов	7	10	10	5	100
Николай Ефимов Плосков	2	3	3	2	40
Яков Иванов Кондаков	3	4	2	2	40
Федор Васильев Пономарев	2	2	2	1	20
Иван Николаев Читаев	5	6	6	2	40
Николай Петров Плосков	3	3	2	1	20
Митрофан Степанов Петелин	4	4	4	3	60
Павел Егоров Виталовский	4	2	2	2	40
Николай Егоров Виталовский	2	2	1	1	20
Иван Николаев Кузнецов	2	3	1	1	20
Итого	100	120	106	53	1060

Т. Панова,
зав. сектором информации
публикации и использования
документов ТФ ГАТО

(ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 1, д. 341, л. 3) подлинник

Казачьи символы и знаки

Знамя — символ полкового, войскового объединений. Святыня, за которую казак обязан биться не щадя жизни, не допуская его оскорбления или осквернения. Первоначально у казаков было символом договора на выполнение каких-либо обязательств с иностранными государствами. После выполнения таких обязательств знамя поступало в собор или церковь, игравшие роль музея.

Бунчук — знак Ставки, символ атамана на походе, принадлежал войсковому соединению, на походе и в бою следовал за командующим. В мирное время хранился в церкви, выносился только по праздникам как подтверждение его значимости и присутствия атамана. В армии часть функций бунчука унаследовали полковые и именные штандарты.

Булава, пернач — символ военной власти, которой наделяется атаман (у запорожцев — гетман).

Насека — посох с металлическим навершием, на котором первоначально «насекались» имена атаманов, владевших насекою. Символ гражданской власти атаманов всех степеней.

Атаманский кафтан и шапка — принадлежали казачьей общине, передавались вместе с символами атаманства. Хранились у очередного атамана или в атаманском правлении. (У донских казаков в древности кафтан — красный или парчовый, шапка черная в 1,5 больше по высоте обычной папахи).

Печать — на рукояти и перстне. Вручалась атаману при выборах. Символ хозяйственной и дипломатической функций атамана. Ею скреплялись все докумен-

ты. Принадлежала общине и передавалась от атамана к атаману.

Сабля — обычно украшенная, старинная — тоже один из символов атаманства. Лично ему не принадлежала, а была у него на хранении на время правления. Могла храниться в церкви и надеваться на Круги и по праздникам.

Медаль — личный знак атамана, носилась на шее поверх галстука и выпускалась на кафтан в раскол ворота. На лицевой стороне бывали надписи: «Атаман станицы...», впоследствии портрет Государя. На оборотной стороне гравировалось имя и фамилия атамана и годы его правления. После исполнения срока атаманства оставалась бывшему атаману на память. В случае вторичного избрания носилась рядом с новой. Медали бывали золотые и серебряные в зависимости от степени атаманства. Медаль меньшего размера носил товарищ атамана.

Чернильница — знак писаря. Медная с ушками, носилась привязанной к поясу. В XIX веке, когда писарей стали нанимать, исчезла из обихода. На смену этому знаку пришла книга.

Казна — железный ящик, ларец с казною — знак казначея. Ближе к нашему времени тоже замененный книгой.

Книга — тетрадь для записей в твердом кожаном переплете. В момент Круга каждый член атаманского правления должен был держать свою тетрадь. Главная тетрадь — т.н. Атаманское писание, или Закон, — была собранием протоколов, где в случае спора можно было отыскать юридический прецедент. Все сохранялись в атаманском правлении и архиве.

*Нерегулярная колонка***Посвящения****Подхалиму**

Не ищи иной красоты,
Не бери ее в осаду.
Хорошо идут усы
К приседающему заду.

Гению

Он в мирах витает вышних,
Думает усиленно:
Через двери даже слышно,
Как скрипят извилины.

Ловеласу

Их, лебедих,
Я ловлю:
— Ихъ либе дихь!
— Ай лав ю.

Хитровану

Гром гремит за лесами,
Воют волки во тьме.
А мы сами с усами
И себе на уме

Атоли Асилье.

Адрес редакции:
625000, г.Тюмень,
ул.Ленина 65,
Телефоны:
26-36-05, 26-35-47

Цена **30** руб.

Отпечатано в типографии
ИПП "Тюмень"

Редактор
Анатолий Васильев

Набор и верстка
выполнены
компьютерной группой
"Согласия"